

Софья Помогкая

ТИТАНОМАХИЯ

Приключение первое. В котором читатель знакомится с главными героями и узнает, что иногда для мужчины очень почетно носить юбку. А так же герои встречаются с Черным Паладином и ужасным Демонологом, а мастер Ван сражается за сто тысяч золотых.

Глава 1

Первый день каникул в Академии Высшего Волшебства в Ханне — незабываемое зрелище. Толпы студентов с чемоданами, сумками и котомками невольно привлекают внимание. По одному, парами и небольшими одноцветными группами ученики Академии спешат покинуть опостылевшие за прошедший год стены. Маги Огня в красных мантиях — веселые и немного агрессивные. Маги Воздуха в белых — улыбчивые и незлопамятные. Маги Воды в голубых — спокойные и серьезные. Маги Земли в зеленых — флегматичные и уравновешенные. Белые целители в белоснежных одеждах — скорбные и важные, словно каравеллы, с вечной всепрощающей улыбочкой на губах. И прочие, и многие другие были здесь. Вся площадь перед центральными воротами Академии пестрела пятнами мантий, складывающимися в причудливые узоры.

Кто только не учился в Академии Высшего Волшебства — больше всего было, конечно же, людей. Эти смертные проныры прекрасно себя чувствовали в любом месте этого мира. Были здесь и эльфы, и гномы, и наверняка еще кто-нибудь, но разве возможно рассмотреть что-то подробно в такой огромной толпе — шевелящейся, беспрестанно перемешивающейся и стремящейся в одном направлении — к выходу?

Пройдя ворота, толпа разбивалась, дробилась и потихоньку растворялась в городской толчее. Большинство студенты отправлялись на городской Вокзал. Там они возьмут билеты и на все лето поедут домой. Некоторые, для которых гномский поезд является непозволительной роскошью, отправятся более дешевым способом — на лошади или пешком.

Но не все студенты покидают Ханн на летние каникулы.

В пустынном парке Академии, уютном и ухоженном (благодаря практическим занятиям первокурсников факультета Магии Земли), на скамейке сидел гном. На его плече, нахохлившись, угнезвился большой черный дрозд. Гном терпеливо и настойчиво говорил птице одну и ту же фразу — дрозд изредка, будто сжалившись, повторял сказанное. Тогда лицо его хозяина озарялось улыбкой, и он с удвоенной энергией начинал долбить дрозда новой порцией слов. Гнома звали Гор. Это был самый обыкновенный, ничем не примечательный с виду молодой гном. Добротная одежда, худощавое телосложение, длинный нос, русые волосы, круглые блестящие серые глаза и мантия руниста. Гор учился лишь на третьем курсе, но уже сейчас учителя прочили ему большое будущее. Рунная магия давалась Гору легко, словно он рожден был для этой науки. К десятому, последнему, курсу этот студент вполне мог бы поспорить с деканом факультета. Если, конечно, ничего не случится, и он не забросит учебу, с презрением плюя на занятия и нагло игнорируя семинары и лекции, как это делала его подруга — еще одна студентка Академии, оставшаяся на лето в этих полных силы и знания стенах.

В данный момент она сидела в ближайшем к Академии кабаке и пила, не закусывая, не слишком хорошую водку. Кабачок был маленький, но довольно чистый. Небольшая компания студентов отмечала здесь окончание очередного учебного года. Все пили вино или пиво. Все смеялись и от души поздравляли друг друга. Анджела покосилась на шумную компанию и налила себе еще водки. Она одиноко сидела за маленьким столиком в самом темном углу. В ее душе боролись два совершенно противоположных чувства — с одной стороны она любила шумные компании, любила выпить на брудершафт, с последующими

звонкими поцелуями, любила песни и пьяный стриптиз на столе. Но с другой стороны — ее в Академии, мягко говоря, недолюбливали. В этом мире, видно, слыхом не слыхивали о политкорректности, поэтому самым ласковым прозвищем из тех, что Анджела постоянно слышала в тихом шипении за своей спиной, было «поганый вампир». Действительно, графиня Анджела Малькольм Кондор была вампиром. К тому же не самым приятным из вампиров. Высокая, очень красивая брюнетка, гибкая, словно хлыст, была начисто лишена обаяния в силу своей отчаянной стервозности, склочности и особой скандальности. Злобность желтоглазой вампирши породила легенды в стенах Академии. Поговаривали, что она запугала какого-то пятикурсника до мокрых штанов в одном из темных углов Академии. И все лишь из-за того, что тот очень уж нелестно о ней отозвался. Но это были всего лишь слухи. А разве можно в полной мере доверять студенческим сплетням?

Так или иначе, но единственным другом Анджелы в Академии оставался Гор — невозмутимый страстотерпец, который стоически переносил все припадки бешенства, нытье и бурные истерики, которые закатывала эксцентричная вампирша. По вампирским меркам, графиня была еще ребенком. Не наигравшимся собственным величием и превосходством. Ей едва исполнилось тридцать два года. Но Гор с присущей рунистам бестрепетностью сносил все напасти, которые ему посылала судьба под видом недисциплинированного вампирского отпрыска.

Анджела, сияя желтыми кошачьими глазами, с завистью смотрела на веселившуюся компанию. Дверь кабака открылась, и внутрь вошли трое. Три воина Храма Тысячи Бликов. Да, над ними, конечно, можно было пошутить — «Смотри-ка, мужики в юбках!». Но сделать это можно было только очень-очень быстро и лишь однажды в своей жизни. За спиной каждого из них висел в заплечных ножнах узкий прямой меч. И слава воинов Храма была столь велика, что они могли позволить себе ходить вовсе голыми, не вызывая ни тени улыбки у прохожих.

Анджела привычно скользнула взглядом по фигурам мужчин. Все трое широкоплечие, статные, жилистые. Походка мягкая, будто звериная. Длинные волосы, скрепленные на затылке зажимами; белые рубашки и длинные, по щиколотку, широкие складчатые юбки. Один в коричневой и двое в желтых; на лбу у каждого татуировка: маленькие мечи острием вниз, числом по рангу. Храмовники подошли к стойке, и Третий в коричневой юбке о чем-то тихо заговорил с хозяином. Толстяк-кабатчик подобострастно кивал, заискивающе улыбаясь. Третьему, в то время как двое желтых Вторых спокойно оглядывали зал с веселящимися студентами. Анджела хмыкнула, один уголок ее губ пополз вверх, чуть обнажив длиннющий хищный клык, — храмовники явно кого-то искали. Вот и допрыгался кто-то из этих недотеп-магов. Интересно, кому сейчас достанется щелчок от Богини? Кто же этот счастливчик? Вампирша вглядывалась в молодые разгоряченные вином лица студентов, стараясь отгадать, кто все-таки не угодил Храму.

Гадать долго не пришлось. Хозяин, лучезарно улыбаясь, указал пальцем прямо на Анджелу. Девушка застыла, не донеся рюмку до рта. Храмовники повернулись и медленно направились в ее сторону. «Не может быть...» — подумала вампирша, лихорадочно вспоминая все свои похождения за последний месяц. Вроде бы ни одно из них не касалось Храма, да и особо серьезных проступков она не совершала. Графиня от злости опрокинула в себя последнюю рюмку водки и стала ждать.

Храмовники подошли. Третий, не спрашивая разрешения, отодвинул стул и сел напротив Анджелы. Вторые остались стоять за спиной начальника. Воин в упор глянул на

вампиришу, будто пытаюсь посмотреть в ней сквозную дырку. Через полминуты игры в гляделки, в которых наглая Анджела и не подумала сдаваться, воин утвердительно спросил:

— Анджела Кондор, студентка третьего курса факультета Черного Целительства?

— Академии Высшего Волшебства, — с вызовом добавила вампириша. Такой уж у нее был характер — если ни с кем не пособачилась, значит, день прожит зря.

Но Третий плевать хотел на ее тон. Он лишь кивнул и достал из-за пазухи свернутый пергамент. Протянув вампирише бумагу, он поднялся. Воины вышли, освещаемые дивной ширины улыбками хозяина и всего кабачного персонала.

Девушка с сомнением разглядывала послание Храма Тысячи Бликов. «К чему бы это»? — обреченно подумала графиня и сломала печать.

«Ее Светлости, графине Анджеле Малькольм Кондор».

— Да чтоб вас разорвало! Уже всё пронюхали, — вампириша сжала кулак. В ладони хрустнула толстостенная рюмка. — И кто им сказал, интересно? — Анджела никогда не афишировала в Ханне свое происхождение, но письмо ненавязчиво доказывало, что Храм знает о ней гораздо больше, чем она предполагала.

«Просим вас явиться завтра утром в приемную Храма Тысячи Бликов».

— С почтением и ля-ля-ля, ду-ду-ду... Прекрасно. Только этого не хватало. Хозяин! Еще водки!!

Через пятнадцать минут, перечитав послание еще раз сто и заглотив свою водку, Анджела расплатилась и вышла. Она едва ли не бегом направлялась в Академию. Необходимо было отыскать Гора и срочно пожаловаться ему на судьбу. Гном нашелся в своей комнате. Анджела ворвалась к нему с отчаянием на лице, едва не снеся с петель дверь и размахивая пергаментом, словно боевым знаменем.

Даже в первый день каникул Гор сидел, уткнувшись в какой-то учебник. Но едва Анджела открыла рот, чтобы рассказать ему о том, что с ней произошло, она остановилась как вкопанная. На тумбочке Гора, поверх стопки учебников, лежал свернутый пергамент со сломанной печатью Храма Тысячи Бликов.

— Аа.... Это... как его... — вампириша пару раз щелкнула пальцами, пытаясь подобрать нужные слова.

Гор, коротко взглянув на Анджелу и судорожно сжатый в ее кулаке свиток, сказал:

— Привет, тебе тоже это принесли? Странно, правда?

— Точно! Я тут думаю, как же это все-таки назвать? Оказывается «СТРАННО»! — вампириша оскалила клыки. Но гном будто и не заметил этого.

— Я спрашивал у ребят. Никому больше такого не приносили.

— И зачем мы с тобой понадобились Храму? — Анджела, вздохнув, плюхнулась на кровать.

— Завтра утром узнаем.

— КАК? Только завтра? Гор, ну я же лопну от любопытства до завтра.

— Ничего, ей-богу, зарастет.

Анджела надулась. Это была очень любопытная вампириша.

До самого вечера она маялась, слонялась из угла в угол, ныла и жаловалась. Гор терпел и молчал. За три года гном привык к подруге. В отличие от Анджелы, он провел этот день с толком — учеба не надоедала ему, и одна книга за этот день выбыла из списка непрочтенных. Дрозд сидел в клетке у раскрытого окна и свистел.

Наконец настало утро, и друзья отправились в Храм. Гор, как всякий обстоятельный гном, плотно позавтракал, начистил сапоги и хорошенько причесался. Анджела поесть, конечно же, забыла, но зато надела дорожущее черно-красное платье, одно из тех, которые специально привезла сюда из замка. Оно без сомнения очень шло вампирше. Но она справедливо сомневалась в том, что ее внешность может как-то повлиять на ход событий. Не таковы были храмовники.

Когда друзья достигли ворот Храма, было около десяти часов утра. Они предъявили свои пергаменты караулу и вошли внутрь. Ханн являлся матерью всех храмов. И потому городской Храм был поистине огромным. Гор с Анджелой устали вертеть головами, любясь красотой и изяществом парков, статуй, изгородей и крошечных рощиц. А далеко впереди возносилась в чистое голубое небо гигантская статуя Богини. Анджела едва не свернула себе шею, разглядывая снующих туда-сюда воинов и жрецов, старательно заучивающих сутры или просто беседующих. Однажды вдалеке мелькнула синяя мантия Седьмого, и вампирша точно разбила бы себе нос, запнувшись о что-нибудь, но Гор предусмотрительно держал подругу за локоть.

Они беспрепятственно вошли в здание Храма, едва только предъявили пергаменты. Начальник караула отрядил одного из воинов-Вторых проводить прибывших гостей в приемную. «Как тут у них... — подумала Анджела со смешанным чувством уважения и обиды, — Все схвачено».

Второй в новенькой желтой юбке довольно долго вел студентов по коридорам. И вот, наконец, зайдя в огромную, шикарную обставленную комнату, он остановился.

— Приемная уважаемого Канимуру.

— Спасибо, — вежливо ответил Гор. Вторым удалился, оставив их одних в пустой комнате.

— И что? — озвучила общую мысль Анджела. — Зачем нас позвали в пустую комнату в Храме? Да еще с утра пораньше?

— Видимо для того, чтобы встретиться с уважаемым Канимуру, — раздался вдруг приятный мужской голос. Студенты вздрогнули. Из-за колонны вышел воин Храма в оранжевой юбке Четвертого. — Привет, Анджела. Здравствуй, Гор.

— Ван! — взвизгнула Анджела, — Привет! Какой ты, однако, стал... оранжевый...

— Да, — улыбнулся воин, подходя ближе, — Четвертый ранг — это не шутка.

— Поздравляю, господин Ван. — Гор учтиво поклонился, а Ван улыбнулся еще шире:

— Ты мне льстишь, Гор. Пока я не «господин», а только «мастер».

— Да ты и волосы покрасил в рыжий цвет! — восхитилась вампирша, — всё гонишься за модой.

— Что-то вроде того, — воин провел ладонью по рыжеватым, подкрашенным хной волосам.

Ван был невысокого роста. Длинные волосы, как у всех воинов-храмовников собраны на затылке в хвост. На кончиках, выгоревших на солнце, рыжий цвет четвертого ранга был теперь особенно заметен. Большие голубые глаза улыбчиво глядели из-под темных ресниц, а новенькая юбка безжалостно била по глазам окружающих своим солнечно-рыжим цветом.

Казалось, посади Вана в темную комнату, и все равно там будет сиять его чудесная оранжевая юбка. На лбу у храмовника красовались четыре вытатуированных меча. Один из мечей был особенно ярким и четким. Видно было, что его накололи совсем недавно.

Глядя на Вана, Анджела вспоминала вполне определенные моменты своей жизни. Довольно приятные, надо сказать. Дело было в том, что этот человек близко общался с достопочтенным Укео — воином шестого ранга Храма Тысячи Бликов. С тем самым Укео, который доставил Анджеле так много приятных мгновений. Приятных во всех смыслах этого замечательного слова. Сын светлейшего Истарниу, Укео пошел по стопам отца, и в восемнадцать лет уже обладал званием достопочтенного. И явно не собирался на этом останавливаться.

Укео был обаятелен до самых кончиков ногтей. Анджела была красива и экспрессивна, она была экстравагантна. Они нашли друг друга. Ненадолго, конечно же. Но дело было совсем не в продолжительности этих страстных отношений. Дело было в той памяти, которую они оставили после себя друг другу. А память оказалась чудесной. И даже теперь, когда прошло довольно много времени, взглянув на Вана, Анджела вспоминала Укео.

— Ну, так и где этот самый достопочтенный? — голос Гора прервал размышления вампирши.

— Кто его знает, — пожала плечами Анджела, — А что вон за той дверью? — Она указала на большую двустворчатую резную дверь, к которой вела узкая ковровая дорожка.

— Там кабинет светлейшего Истарниу.

— Да?? Как интересно! Ну, тогда давайте постучим и спросим, где этот самый... как его... Канимуру. — Анджела заговорщицки глянула на Гора.

— Достопочтенный Канимуру, — автоматически поправил Ван.

— Да без разницы, — махнула ладошкой вампирша и сделала несколько шагов к двери.

— Я бы на твоём месте... — Ван замялся.

— Что?

— Я бы не беспокоил светлейшего Истарниу, и тихонько подождал бы здесь, пока за нами не придут.

— За нами? Эй... — Анджелу внезапно осенило, — Так тебе что? Тоже прислали такую бумажку? — девушка покрутила перед носом Четвертого свернутым пергаментом.

— Да, — гордо кивнул Ван. Он, в отличие от большинства воинов, умел читать.

— Зачем нас вызвали? — вампирша приступилась к воину.

— Ну... я полагаю, что нам прислали совершенно одинаковые приглашения, — улыбнулся Ван. — В моем сказано не больше твоего.

— Тогда пошли, поищем Канимуру.

— Достопочтенного Канимуру.

— Да ну тебя... — Анджела решительно направилась к резной двери.

Мужчины вздохнули и молча направились за взбалмошной вампиршей. Они знали, что спорить с ней бесполезно.

Анджела подошла к двери и требовательно постучала. Ван поморщился — вампирша когда-нибудь подведет себя под монастырь своей беспардонностью. И всех окружающих заодно. Ну нельзя было так барабанить в кабинет светлейшего.

Как ни странно, дверь отворилась. На пороге стоял воин-Шестой в зеленой юбке. Он взглянул на Анджелу и отступил внутрь комнаты. Вампирша вздернула голову и проплыла мимо воина. Гор и Ван вошли следом. Дверь закрылась.

Вану не часто приходилось бывать в этом кабинете. Точнее сказать — он был тут лишь однажды. И теперь с благоговением смотрел вокруг, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Память у него была просто фантастическая. И потому самым важным делом было — только смотреть.

Из-за массивного письменного стола поднялся навстречу гостям высокий статный мужчина лет сорока. На нем была белая шелковая рубашка и синяя юбка, а на лбу красовался целый забор из мечей-татуировок. Анджела даже считать побоялась. Хотя по синей, словно летнее небушко, юбке и так было понятно, что мечей там ровно семь. Больше некуда.

Глаза Вана мгновенно стали стеклянными. Он не видел больше ничего, кроме светлейшего Истарниу. Ван отступил на шаг, и Анджела, стоящая впереди него, скорее услышала, чем увидела, как он выхватил меч из ножен. Вампириша успела мысленно проститься со здоровьем, прежде чем вспомнила, что у воинов свои собственные ритуалы и обычай размахивать клинками в знак приветствия.

— Я Ван, воин четвертого ранга, — зазвенел в тишине голос, — И мое глубочайшее и смиренное желание состоит в том, чтобы Сама Богиня даровала тебе долгую жизнь и счастье, и побудила тебя принять любую мою скромную и добровольную помощь, которая могла бы служить твоим благородным целям.

С шипением и щелчком меч снова скользнул в ножны.

— Я Истарниу, воин седьмого ранга, и для меня большая честь принять твою любезную помощь.

«Ох уж мне эти выкрутасы... — обреченно подумала Анджела, — ну сказали друг другу «Привет» и будет. Нет же! Надо махать своими ножиками до потери пульса. Вот теперь еще с этим зеленым надо поздороваться. Давай, Ван, доставай саблю. Уже скоро я выучу это дурацкое приветствие. «Я Анджела, графиня первого ранга...», — девушка мысленно засмеялась.

Но Ван смеяться и не думал. Лицо его было торжественно и сосредоточено. Ритуал приветствия был знаком почтения и уважения старших рангов. Это первое, чему учили новичков в Храме — уважение и почитание старших.

И снова меч Четвертого взвился в воздух, с гудением выписывая сложные фигуры, сопровождаемые ритуальными словами. И навстречу мечу Вана метнулся клинок воина в зеленой юбке, отпершего гостям дверь. И в такт движениям меча прозвучали его слова:

— Я Канимуру, воин шестого ранга, и для меня большая честь принять твою любезную помощь.

Канимуру был невысокого роста прекрасно сохранившимся мужчиной лет пятидесяти. Длинные волосы его были почти совсем седыми. Как было известно всем в Храме Тысячи Бликов, достопочтенный Канимуру владел мастерством воина так же хорошо, как и светлейший Истарниу, но получить седьмой ранг ему мешала память. Тысячу сто сорок четыре сутры должен был знать Седьмой. И всякий раз на испытании ранга память подводила достопочтенного, хотя рука его была еще ох как тверда.

Наконец все намахались мечами, накричались и даже поздоровались с Гором и Анджелой. Студентам и Вану предложили присесть.

— Я рад, что вы с такой готовностью откликнулись на наше приглашение, — улыбнулся светлейший. От одного взгляда этого мужчины Анджела почти растаяла. Она с удивлением разглядывала Истарниу. Этот мужчина был из тех, что заставляют юных девушек стекленеть перед собою. Могучая зрелость тела сочеталась с юношеской живостью глаз и очарованием

слов и улыбок. Теперь Андже́ла вполне понимала, откуда у досто́почтенного Укео столько шарма и обаяния. Он пошел в отца.

— Для нас большая честь быть принятыми здесь, светлейший, — Андже́ла вовсе не собиралась любезничать, но эти слова вырвались у нее помимо воли, при одном только взгляде на этого шикарного мужчину. Вампи́рша с ужасом поняла, что сейчас улыбнется. Ее аллигаторский оскал мало кому из смертных приходился по душе. Отец, конечно, был в восторге — длиной и остротой клыков Андже́ла пошла в него, но люди относились к этим демонстрациям как-то очень уж нервно. Каждый почему-то считал, что именно ему выпала честь стать графским ужином (ну или обедом, — в зависимости от времени суток).

Девушка сжала волю в кулак и собрала губы бантиком. Улыбка отменилась. Но зато Гор степенно кивнул воинам, будто подтверждая слова Андже́лы и присоединяясь к ним.

— Что ж, буду краток, — лицо светлейшего вдруг утратило свою любезность и стало очень серьезным, даже почти печальным. — Каждому из вас известно имя светлейшего Укео.

Ван с готовностью кивнул. Гор пожал плечами и тоже кивнул. Андже́ла снова попыталась улыбнуться. Всем и так было известно, что Укео она знала. Но гном вдруг спохватился:

— Как? Уже светлейшего? Седьмой ранг?

После утвердительно́го кивка Истарниу студенты пораженно замолчали.

— Так вот, я хочу, чтобы вы помогли мне отыскать его, — медленно, с нажимом проговорил светлейший.

— Отыскать? — бровь Андже́лы удивленно поехала вверх, — Он потерялся?

— Скажем так, графиня: мы не знаем, где он.

— Ясно. Потерялся.

Ван зашипел. Чокнутая вампи́рша точно всех угробит своими выходками. Но Истарниу ничем не выразил неудовольствия.

— Укео исчез, мы не получали от него вестей уже довольно продолжительное время.

— Неужели кто-то смог превзойти его мастерство, светлейший? Кто способен на такое осмелиться? — Ван не мог поверить услышанному.

— В том-то и дело, мастер, — проговорил Истарниу, вертя в руках бокал с вином. — Никто не покушался на жизнь, здоровье и свободу моего сына. Он, как бы это сказать поточнее...

— Удрал из дома! — безапелляционно воскликнула Андже́ла.

— Можно сказать и так, графиня.

— И вы хотите, чтобы мы вернули досто́почтенного... то есть светлейшего Укео домой? — вампи́рша скрестила руки на груди. Лицо ее выражало недоумение. — Но каким образом? Если он не слушается вас, светлейший, то уж нас не послушает и подавно.

— Да, меня он не слушает. — Светлейший печально опустил глаза, — И поэтому мы решили доверить эту миссию именно вам троим. Он хорошо вас знает. Мастер Ван, Гор — вы его друзья. Графиня, вы... вас связывает с Укео общее сердечное чувство.

— Связывало.

— Не важно.

— И не сердечное.

— Не важно!

Андже́ла хотела было вякнуть что-то еще, но Ван незаметно наступил ей на ногу, и

графиня обиженно заткнулась.

— Мы готовы отправиться уже сегодня. — Ван был исполнен энтузиазма.

— Говори, пожалуйста, за себя. — Анджела не выдержала, — вообще-то сейчас в Академии каникулы. Я хотела, может быть, домой поехать?

— Конечно, графиня. Несомненно, ваши услуги будут вознаграждены. Не сомневайтесь в милости Богини и благодарности Храма.

Анджела задумалась, но через мгновение кивнула.

— Я согласна. Так куда мы должны ехать? Где Укео видели в последний раз?

— Всё намного серьезнее, чем вы, видимо, предполагаете, — голос Истарниу был спокойным и глубоким, — Дело в том, что у нас есть лишь одна более чем призрачная зацепка. Укео уехал из Ханна через западные ворота.

— Куда?

— На запад, Анджела, — Гор укоризненно посмотрел на подругу.

— Просто на запад? И все?

— Да, — Истарниу кивнул. — Больше нам ничего не известно. Вы должны как можно скорее отыскать светлейшего Укео и вернуть его в Ханн. Если это по какой-то причине окажется невозможным, верните хотя бы его зажим для волос.

— Зажим?

— Да, это... память о его матери. Вы сразу его узнаете. Эта вещь из черного металла с резьбой и мелкими темными камнями.

— Понятно, — вампирша оглядела будущих спутников. Ван поднялся из кресла и проговорил:

— Благодарю вас, светлейший Истарниу. Это задание — большая честь для меня и моих товарищей. Мы выдвигаемся немедленно.

Истарниу и Канимуру кивнули Вану. Четвертый и вампирша собрались было уже покинуть кабинет, но всех остановил Гор. Гномская основательность взяла свое и здесь.

— Прошу прощения у благородных воинов. Но мне кажется, что, отправляясь в путешествие со столь серьезной целью, нужно иметь соответствующее снаряжение.

Анджела с удивлением обернулась на Гора.

— Право слово, у нас нет даже лошадей! Уже не говоря о... — гном начал было втолковывать беспечной подруге элементарные вещи, но светлейший прервал ход его рассуждений, сказав:

— О снаряжении не беспокойтесь, почтенный Канимуру позаботится об этом.

Все снова раскланялись, и спутники вышли за дверь.

— Да-аа... — протянула Анджела, — Вот и отдохнули.

— Ладно тебе, — добродушно откликнулся Гор. — Зато это и в самом деле большая честь.

Из кабинета следом за тремя молодыми людьми вышел почтенный Канимуру.

— Итак, что вам необходимо для того, чтобы отправиться в путь?

— Ну, во-первых, это, конечно, лошади, — взял слово Гор. — Затем нам необходим запас провианта на неделю и немного денег на непредвиденные расходы.

— Это все?

— Э... мне, пожалуй, не помешало бы оружие, — сказала Анджела.

— Вы владеете мечом? — Канимуру, казалось, был удивлен.

— Нет, но...

— Тогда, к сожалению, вам придется приобрести оружие у одного из городских оружейников.

— Ладно...

— Через два часа лошади будут ждать вас у западных ворот. Надеюсь, вы начнете свой путь оттуда?

— Да, достопочтенный, — кивнул Ван.

Канимуру более чем скептически оглядел всю команду и, не говоря более ни слова, вышел.

— Надо собрать вещи, — сказал Гор.

— Да, и еще зайти к оружейнику. Не отправлюсь же я в путь без оружия, — кивнула вампирша.

— Мне тоже необходимо кое-что взять с собой, — задумчиво сказал Ван. — Встретимся у западных ворот.

Все трое вышли из Храма и собрались было разойтись в разные стороны, но тут вдруг глаза Анджелы распахнулись. Она стояла и, вдохновенно улыбаясь, тыкала пальцем куда-то за спину Гора. Гном в недоумении обернулся и увидел двух воинов-Третьих, которые вели на поводках нескольких собак. Огромные мощные звери так и притягивали взгляд. Короткая лоснящаяся шерсть, могучие мускулы, перекатывающиеся под гладкой светло-коричневой шкурой. Здоровенные зубастые компостеры. Обрезанные уши и коротенькие хвосты-обрубочки. Это были боевые собаки Храма. Анджела напряглась и в радостном предвкушении сложила ладошки. Гор прекрасно знал этот взгляд. Анджела глядела так на те вещи, которые непременно хотела заполучить. И она их получала. Не смотря ни на что.

— Во-первых, перестань улыбаться, — нудным голосом начал Гор. Вампирша мгновенно захлопнула зубастую пасть.

— А во-вторых, зачем тебе собака? Ей-богу...

— Хочу!

— Это храмовые собаки. Тебе не дадут, — некстати встрял Ван.

Зря. Зря это было сказано. Гор безнадежно махнул рукой. А вампирша уже взвилась:

— Мне не дадут?????

Через полчаса скандальной ругани, нелестных отзывов и всяческих угроз Анджела вернулась сияющая, ведя на поводке двух, самых маленьких и самых коричневых собачек. Твари были едва не по пояс вампирше, и если бы не сверхъестественная сила графини, псы утащили бы девушку куда угодно, но Анджела, улыбаясь во весь рот, одной рукой сдерживала их.

Собаки перли. Анджела держала. Поводки трещали.

В конце концов, тварюки побоялись задохнуться и опустили свои мохнатые задницы на землю. Вампирша торжествовала.

— Вот так! Кому это не дадут? — Она поглядела на Вана. Потом умильно взглянула на собак и дернула одну за поводок.

— Эй, псина, как тебя зовут?

Собака, едва не задохнувшись от рывка, кашлянула. Но не ответила. За нее ответил воин-Третий, тот самый у которого Анджела отскандалила этих зверюг. Злой, как демон, он проходил мимо, ведя оставшихся питомцев. На секунду кинолог остановился и буркнул вампирше:

— Этого зовут Малыш. Другого — Пушок. Но не советую называть их по имени.

— Почему?

— Потому что это разрешено только тем, кого они знают. Они так приучены. Правда, Малыш?

Пес вскочил и засвистел, крутясь у ног бывшего наставника. Воин похлопал его по макушке и ушел.

— Странно, почему это ему можно, а мне нельзя?

— Может, они тебя не будут слушать? — предположил Гор. — Они же тебя не знают.

— А... Поглядим... — беспечно отозвалась вампирша. Ван с интересом разглядывал

собак. Никогда раньше ему не приходилось так близко их видеть. Говорили, что такой пёс в одиночку мог завалить быка.

— Ну ладно, пошли. — Гор сделал шаг по направлению к выходу. Анджела натянула поводки.

— Пойдемте, собаки! Идем, Малыш...

Но не успела Анджела произнести до конца слово «Малыш», как пес, мгновенно оскалившись, беззвучно прыгнул прямо на девушку. Вампирша не ожидала такого подлого нападения и потому не успела предпринять ничего для защиты. Пес вцепился Анджеле прямо в горло и придавил девушку к стене. Вторая собака оцетибилась и тоже приготовилась прыгнуть.

Из горла Анджелы послышался хрип, но она устояла, не падая и удерживая на себе пса. Из горла девушки, заливая платье, собаку и землю вокруг, щедро лилась кровь. Лицо Анджелы было сначала испуганным, но через секунду тонкие брови сшиблись на переносице, желтые глаза злобно сузились. Вампирша ухватилась за собаку обеими руками и, зажмурила один глаз. Малыш отпустил свою жертву так же внезапно, как и схватил. Пес упал замертво, сраженный очень уж удачно примененным заклятием Боли. Вампирша была, конечно, двоичницей и прогульщицей, но экстремальная ситуация придала ей сил, а может просто повезло. Анджела, как ни странно, устояла на ногах, опираясь на стену, хотя горло ее было разорвано едва ли не до самого позвоночника. Девушка попыталась зажать страшную рану руками. Кровь тонкими струйками потекла изо рта.

А Пушок уже изготовился прыгать. Но Ван оказался быстрее. Меч его мгновенно вылетел из ножен и, сверкнув на солнце мокрой форелью, проткнул пса насквозь, словно горячий нож масло. Пушок изогнулся дугой, попытался извернуться, чтобы достать воина зубами, но не смог. Лапы зверюги подломись, и пес с почти человеческим стоном рухнул на землю.

Анджела упала рядом с ним на колени и вцепилась дрожащей окровавленной рукой в еще живого зверя. Прошло несколько секунд, и вдруг на горле Пушка сама по себе мгновенно открылась жуткая рваная рана. Кровь потекла ручьем. В тот же миг рана на шее Анджелы почти затянулась. Девушка была вся в крови, но никто теперь не сказал бы, что ей только что отожрал горло боевой пес Храма Тысячи Бликов.

Вампирша встала. Выглядела она ужасно. Волосы взъерошены, платье (благо черно-красное) залито кровью, лицо, шея и руки — тоже перемазаны грязно-кровавым месивом. Но больше всего пугали ее глаза. Какой-то застывший, замороженный взгляд. Такой взгляд бывает у пьяных или сумасшедших.

— Анджела, с тобой все в порядке, а? — Гор страшно испугался за подругу. Он даже решил отложить упреки на потом. Такой он еще Анджелу не видел никогда.

— Анджела! — Ван слегка тронул девушку за плечо.

— Да... — вяло отмахнулась вампирша. — Я никогда. Никогда. Не буду больше этого делать.

— Слава Богине, хоть раз она осознала и признала свою неправоту, — Гор был искренне удивлен и обрадован.

Но Анджела продолжала:

— Никогда. Не стану больше. Лечиться за счет. Животных.

— Что?

— Лучше сдохну, — вампирша сделала шаг, но оступилась и едва удержалась на ногах.

Гору пришлось поддержать ее за локоть. — Лучше. Сдохну. Гор!

— Да?

— Гор! Я чуть. С ума. Не сошла. Я будто стала. Собакой. На время.

— Неужели? Ты ведь Черный целитель, помнишь? Не Серый, а Черный. А значит работать с животными, как Серые, не можешь. Ты это помнишь? — Гор махнул Вану и под руку повел вампиршу к Академии.

— Да. Никогда не буду. Это ужасно, Гор. Ужасно. Я чуть не сбрендила.

— Ну что за выражения, ей-богу?

— Да! Чуть не сбрендила! Это правда...

Студенты удачно дошли до Академии. Анджеле вскоре полегчало. Она искупалась и привела себя в порядок. Несмотря на всю свою вздорность, вампирша довольно быстро собрала необходимые вещи, и они с Гором отправились к оружейнику. Гном тащил за плечами довольно увесистый рюкзак.

— Что там у тебя? — с интересом спросила вампирша.

— Да-аа, разные нужные вещи, — туманно отговорился Гор. Он был одет в темную походную одежду, крепкие сапоги и мантию мага-руниста. Анджела кроме необходимого походного минимума захватила лишь запасную одежду. Даже здесь она не могла расстаться со своими по истине драгоценными платьями. Но одета Анджела была почти по-походному. Черные кожаные штаны, высокие по колено сапоги, и белая шелковая рубашка с распахнутым воротом и широкими рукавами, стянутыми на запястьях.

— Право слово, выглядишь так, будто собралась на королевскую охоту, — скептически заметил Гор.

— Ну, практически, так оно и есть, — ухмыльнулась вампирша. — Не важно, куда ты идешь, друг мой. Главное: всегда выглядеть хорошо. Ведь встречают везде, как ни крути — по одежке.

Гном только махнул рукой. У него на этот счет было свое особое мнение.

У оружейника друзья пробыли недолго. Анджела выбрала небольшую стальную булаву, всунула ее в петлю на поясе и, расплатившись, выскочила на улицу. Время поджимало, поэтому студенты быстрым шагом направились к западным воротам.

Там их, и правда, ждали три лошади. Заседланные и увешанные седельными сумками с провиантом. Лошадей привел воин-Третий. Он же передал Вану небольшой, заманчиво звякнувший мешочек. Четвертый спрятал деньги и вскочил в седло. Студенты последовали примеру воина, и спустя несколько минут, троица выехала из Ханна через западные ворота.

Очень довольный и очень оранжевый Ван сиял, как начищенный медный тазик. Жизнь удалась — он в свои двадцать два года был уже Четвертым. Многие воины до старости ходят в Третьем ранге.

К тому же ему дали невероятно ответственное поручение. И не абы-кто, а сам светлейший Истарниу, на котором лежало особое благословение Богини. Истарниу для Вана был едва ли не равным Богине. Любое слово светлейшего воспринималось как неоспоримая истина. Поэтому сейчас молодой Четвертый думал только о хорошем. Будущее рисовалось ему радужным и праздничным.

Несколько дней они ехали без происшествий. С восходом солнца выдвигались в путь, к обеду делали привал, а вечером становились на ночлег. Спокойное путешествие всем очень нравилось. Троица даже любезно спорила за право дежурить по ночам. Словом, все было чудесно.

Вскоре впереди показалась крупная деревня.

Путники, довольные и предвкушающие купание, нормальную еду и нормальные кровати, въехали в селение. Вечерело. Солнце уже почти закатилось за горизонт, и на землю опускалась потихоньку ночная свежесть и прохлада.

У таверны отряд спешился. Лошадей передали мальчику-слуге, бросив ему мелкую монетку. Все трое вошли внутрь. Трактир был небольшой, но довольно уютный. На столах, конечно, не было скатертей, но все оказалось чистым, и пахло здесь даже к концу дня хорошо — едой. Здесь путники собирались поесть, переночевать и заодно расспросить, не проезжал ли через это селение светлейший Укео.

Но только лишь путешественники переступили порог трактира, как некое напряжение повисло в воздухе. Разговоры резко смолкли, лица стали пасмурными. Мужики набычились, а женщины сразу же исчезли из поля зрения.

— Эй, хозяин, — как ни в чем не бывало крикнула Анджела, — Накормишь путников?

Хозяин — невысокий мужичок лет пятидесяти, в красной рубахе и черной жилетке, хмуро взглянул на девушку, которая предусмотрительно спрятала клыки, и проговорил.

— Накормить накормлю, но особых разносолов нет. Щи да каша...

— ...пища наша! — перебила его Анджела, — тащи.

Троица с удивлением заметила, что к тому времени, как им принесли ужин, все до одного посетители таверны разошлись. Разошлись так же хмуро и молчаливо.

— Что-то не нравится мне здешний народец... — проговорил Ван, активно работая ложкой. — Что у них тут происходит?

— Надо бы расспросить хозяина, — сказал Гор.

— Согласен, — Четвертый кивнул и отхлебнул пива.

— Ладно, — томно потянувшись, проговорила вампирша. — Вы тут хозяина потрясите, а я пойду людей расспрошу. А то что-то кажется мне, что этот хозяин шиш нам что скажет. Рожу его постную видели? Как будто любимую тещу вчера закопал.

— Хорошо, только ты там осторожнее. — Ван внимательно посмотрел на девушку.

— Не учи...

Путники закончили с трапезой, и Анджела вышла на темную улицу. А Ван с Гором приступились к хозяину. Для начала они спросили, если ли свободные комнаты. Хозяин помедлил с ответом. На его мрачной физиономии явственно читалось сомнение.

— В чем дело, хозяин? — Ван, в упор посмотрел на тавернщика. — Я не видел в конюшне ни одной лошади, кроме наших. Неужели нет ни одной свободной комнаты на ночь?

— Комнаты-то есть, выбирай любую... Только вот не советую я вам тут оставаться.

— В чем дело? — Ван прищурился. Голубые глаза Четвертого были холодными, словно ледышки. Мужичок нервно отступил назад, но позиций не сдал.

— Потому что ездют ту разные... народ лупят почем зря, девок портят, таверны громят...

— А мы тут при чем? Мы тебе пока, хозяин, ни одной девки не испортили и ничего не разгромили, — Гор задумчиво потер длинный нос, — и тем более никого не били.

— Это пока, — таверщик скривился, — тот сначала тоже никого не бил. А когда к нему пришли, усостить вроде как, чтобы не таскал девок наших по сеновалам, так тут он и разошелся. Половину деревни перебил насмерть. А другую половину искалечил.

— Да то-то я и гляжу, что у тебя тут одни калеки сидели, — скептически проговорил гном, вспоминая здоровенных, могучих, словно медведи, мужиков.

— Так это... — начал было объяснять хозяин, но Ван перебил:

— А кто это «он»? Кто учинил у вас тут все эти безобразия?

— Да был тут один пару дней назад...

В это время Анджела, с интересом оглядываясь по сторонам, брела по практически пустым улицам селения. Она замечала, что едва она подходила к какому-нибудь дому, ставни в нем мгновенно захлопывались.

«Вот дикий народ...» — с удивлением подумала графиня. В этот момент она увидела здоровенного мужика, сидевшего на крыльце дома и обтесывающего топором какую-то чурку.

— Здорово, мужик. — Анджела подошла почти вплотную

— Ну здорово... — он исподлобья покосился на девушку.

— Скажи, не проезжал ли недавно через вашу деревню молодой мужчина. В синей юбке и с мечом?

— Дружок твой? — мужик вдруг поднялся во весь свой огромный рост. В одной руке у него был топор, в другой недотесанная чурка.

— Знакомый... — осторожно ответила Анджела, инстинктивно отступая на шаг.

Мужик смачно сплюнул в сторону, развернулся и ушел в дом, захлопнув за собой дверь. Анджела услышала, как брякнул изнутри засов.

«Вот это да, — Анджела была в замешательстве. — Видимо, Укео здесь все же проезжал. Но что за бес надирает этих людишек? Почему они так взелись на светлейшего? Яростные противники юбок?».

Анджела осторожно пробиралась по темным улицам. Вся сложившаяся ситуация была жутко интересной и более чем странной. Вампирша поклялась себе, во что бы то ни стало, разведать, кто приходил в деревню, и что здесь случилось. Она, бесшумно ступая, подкралась к одинокому светящемуся окошку и заглянула внутрь. Ее глазам предстала небольшая комната: печь, стол, две лавки, прялка и возле стола с кипящим, только что вынутым из печи горшком суетится женщина. Вампирша хмыкнула. «Этой девать будет некуда, придется отвечать», — подумала Анджела и уверенно постучала в дверь. Она решила действовать силой. Потому что неудачная беседа с мужиком очень разозлила вампиршу — она не привыкла к неуважению.

Поэтому, когда дверь открылась и на пороге появилась та самая тетка, Анджела просто ухватила ее за горло и впихнула внутрь, прикрыв за собой дверь. Селянка была невысокого роста, но полная и круглая, словно бусина. Она тихо охнула, мелко семеня ногами и распахнув круглые моментально увлажнившиеся глаза, отступала в комнату, куда толкала ее вампирша.

Анджела перла, как паровоз. Едва ли не на себе втащила хозяйку в комнату, шмякнула

ее на лавку и, нависнув над женщиной, упираясь руками в стену за ее спиной, голодно улыбнулась на свою жертву. Тетка, увидев в непосредственной от себя близости оскаленные клыки едва не в полпальца длиной, ничтоже сумняшеся, хлопнулась в обморок. Анджела разозлилась еще больше. Что ей было делать с полумертвой от страха жертвой? Ей нужна была информация, а не еда. От злости вампирша схватила горшочек с недавно бывшим в печи варевом и, секунду поразмыслив, плеснула кипятком на колени селянки. Та взвизгнула и мгновенно пришла в себя.

— Я задам тебе пару вопросов, — рявкнула вампирша. — Ответишь, останешься в живых, ясно?

Тетка молчала.

— Тебе ясно? — прошипела Анджела, вновь приблизившись.

Глаза хозяйки снова закатились. Она была бледна как полотно. Только подол платья парил в том месте, где взбеленившаяся вампирша ливанула горяченьким.

«От этой не будет толку, — решила Анджела, — Надо уходить отсюда».

Но едва она успела это подумать, как в дверь постучали. Громко и уверенно, точно так же, как несколько минут назад постучала сама Анджела — не тревожно, но очень по-хозяйски. Вампирша сплюнула. «Только этого не хватало. Застукали, как лису в курятнике». Анджела потрогала булаву на поясе. Вампирша владела оружием довольно хорошо, на «четверочку», но все же не так, как хотелось бы, чтобы быть абсолютно уверенной в победе.

Девушка поставила горшок на стол и едва успела отойти в другой конец комнаты, как у двери завопились, и в сенях послышался недовольный мужской голос:

— Марфа, ну чего не встречаешь? Ставь ужин. Голодный я.

«Иди сюда, чижик, — зло подумала вампирша, — вместе поужинаем». Но едва мужчина вошел в комнату, Анджела вытаращила глаза. Челюсть у вампирши отвисла, а по спине побежали противные мурашки. Такой подлости от судьбы она не ждала. Перед ней стоял воин-Третий. Храмовник лет пятидесяти, в коричневой юбке и какой-то серой уже рубашке. Но, не смотря на явные признаки закатившейся славы, храмовник и не думал расставаться с мечом. Рукоять клинка торчала у Третьего из-за плеча, красноречиво рисуя в воображении Анджелы бесславную смерть юной вампирши.

Девушка нервно сглотнула. Она даже думать не хотела о том, что храмовник может сделать с ней за то, что она вломилась в его дом, пыталась эту дурацкую Клаву или Марфу, как ее там... Тем временем Третий окинул комнату быстрым взглядом и уставился на Анджелу. Вампирша предусмотрительно спрятала клыки и теперь абсолютно невинно и почти мило улыбалась.

— Кто ты такая и что делаешь в моем доме? — храмовник говорил тихо и спокойно. В тоне его пока не было угрозы — одна лишь настороженность.

— Э... здравствуйте, добрый человек. А... я то кто? Я сестра мужа троюродной племянницы Марфы по материнской линии. Я тут приехала издалека очень... ну, знаете, тетя у нас померла, Аглая, вот так я приехала чтобы, значит, на похороны позвать Марфу. Да. Мы тут вместе так уж посидели хорошо, вспомнили всех родственников, и дядьку Карла, и сестер всех двенадцать шпук которых было, а уж братьев и не упомнишь всех... — Анджела молчала отчаянную чушь, сама не понимая, что говорит, и от чувства безысходности не чуя земли под ногами. Врала вдохновенно и естественно, так, что Третий понимающе кивнул и прошел в комнату, открыв Анджеле путь к двери.

— А чего это с Марфой?

— Чего с Марфой? — Анджела уже почти нацелилась на выход, прикидывая, как бы одним прыжком пролететь сени и выскользнуть на улицу, но пришлось повернуться к Третьему и снова врать, — Да насиделись мы с ней, наплакались, вот и уморилась Марфа. Заснула. Не будите ее пока. Вот тут на столе ужин вроде бы.

— Вижу. Ну тогда, может, отужинаешь со мной, родственница?

— Э... да нет, я тороплюсь. Мне надо еще поспеть в соседнюю деревню. Там еще наш деверь двоюродный по бабушке живет.

— А... — протянул Третий. Видно, годы не пощадили воина, и он растерял весь свой нюх. Потому он только кивнул головой, прощаясь, и вампирша на негнущихся ногах выскреблась на улицу. Но стоило ей только почуять свежий ветерок, как столбняк мигом прошел, и она задала стрекача по улице, напрямик к таверне.

Забежав внутрь и едва переведя дух, вампирша столкнулась взглядом с тавернщиком. Ничего хорошего для себя Анджела в этом взгляде не прочитала. Она как ни в чем не бывало осведомилась, где ее спутники и, получив ответ, поднялась на второй этаж, где друзья сняли три комнаты.

Сунувшись в одну, самую ближнюю к выходу, вампирша обнаружила свои вещи. Постучав в следующую, нашла Гора, который невозмутимо перебирал свои руны.

— Ну что? Узнали что-нибудь?

— Узнали, — послышался сзади голос Вана, и Четвертый, войдя в комнату, закрыл за собой дверь. — Укео определенно проезжал здесь.

— Я это тоже узнала. Но не была уверена.

— Мы уверены абсолютно точно. Хозяин описал нам человека, который устроил в деревне дебош. Это светлейший Укео. Больше некому.

— Какой дебош? — Анджела непонимающе уставилась на Вана.

— А ты думаешь, отчего жители такие злые?

— Дураки дикие потому что.

— Нет. Потому что светлейший Укео, проезжая мимо этой деревни, навешал жителям расчудесных люлей. Хозяин говорит, что многие убиты, еще больше ранено. Ясное дело, что врет. Укео не мог просто так убить толпу народа.

— Да? Ты так уверен? — Анжела скептически взглянула на Вана.

— Уверен! — голос Четвертого был полон решимости.

— А что если это не совсем Укео? Вдруг им кто-то управляет?

— Что за чушь? — Ван покрутил пальцем у виска. — Кто управляет? Ты о чем?

— Да ладно. Я просто предположила, — вампирша пожала плечами. — Просто я сто раз видела как маги или вампиры управляли людьми.

— Укео не поддался бы.

Вампирша кивнула, но в лице ее было столько сомнения, что Ван матюкнулся про себя.

— Я думаю, нужно ложиться спать. Видите, как нам повезло — мы уже напали на след светлейшего. Поэтому нужно торопиться. — Гор был как всегда рассудителен.

— Ладно, Гор, вот только я предлагаю ночевать сегодня в одной комнате. — Анджела открыла дверь и пошла за своими вещами.

— Почему? — спросил ее Ван, когда вампирша вернулась. — Думаешь, здесь небезопасно?

— Я видела рожу тавернщика, когда вернулась, — уклончиво ответила вампирша. — Он явно что-то замышляет. — Анджела не собиралась рассказывать спутникам о том, что она напоролась на Третьего, и этот Третий в скором времени будет очень недоволен визитом Анжелы. Проклятая Клава наверняка расскажет этому воину о том, что Анджела — вампирша. Поэтому девушка продолжала как ни в чем не бывало:

— Воин в юбке надавал им всем по головам, и теперь они взъелись на нас из-за твоей юбки, Ван. И вполне возможно, что за нами придут сегодня.

Лицо Анжелы не выражало ничего, кроме упрека. Не в привычках графини было валить вину на себя, если можно обвинить кого-то другого.

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Четвертый. Будем ночевать в одной комнате.

Ван сходил за своими вещами, и теперь вся троица устраивалась на ночлег. Свет потушили. Гор уселся на кровати, лицом к входу, Андже́ла в кресле напротив двери, а Ван на стуле у шкафа.

Прошло два часа. Ничего не изменилось.

— Наверняка они все там уже десятый сон смотрят, только мы сидим, как дураки, — сварливо прокричала из своего кресла Андже́ла. Она отсидела себе всю задницу, и теперь мечтала с кем-нибудь пособачиться. Но в этот самый момент она услышала звук, который заставил ее сердце вздрогнуть и заколотиться с удвоенной силой. В коридоре кто-то был. Оттуда слышались мягкие крадущиеся шаги. Андже́ла замахала руками и зашипела, привлекая внимание товарищей. Гор встрепенулся на кровати, Ван вскочил и с тихим шорохом вынул меч. Вампи́рша поднялась и бесшумно прокралась к двери, встав спиной к стене и держа наготове булаву.

Андже́ла, изо всех сил напрягая слух, пыталась разобрать, что делается в коридоре. А там явно было несколько человек. Они не дошли до комнаты Го́ра, остановившись у двери пустой комнаты Андже́лы. Тихо звякнули ключи, раздался шорох и едва слышный щелчок.

— Мою дверь открыли ключом. Это хозяин, — зашипела вампи́рша. Она вся превратилась в слух. Дверь ее комнаты с тихим скрипом отворилась, и послышался негромкий топот, на досках в дверной щели заплясали отблески факелов. Сдавленные ругательства и тихое бормотание.

И вот решающий момент настал. Вся толпа шла сюда. Так же, стараясь не шуметь, но уже видимо с трудом сдерживая возбуждение.

Андже́ла прижалась спиной к стене и подняла булаву. Первый же человек, вошедший в комнату, должен был пройти мимо вампи́рши и получить булавой по затылку.

Тихая возня за дверью, звяканье и осторожный шорох проворачиваемого в замке ключа. Гор что-то зашептал, сидя на кровати. А дверь уже отворялась, с тихим, но вполне отчетливым скрипом.

И тут все началось. Полоска яркого факельного света выхватила из темноты сигнальные цвета оранжевой юбки Четвертого. Меч его тускло сверкнул и замер, ожидая крови. Увидев стоящего в глубине комнаты храмовника и поняв, что их ждали, мужики с ревом «Бей поганых кровососов!» рванулись в комнату. Адрена́лин заставлял сердца в безумии колотиться о ребра. В глазах мелькали яркие пятна: огонь факелов, взметнувшийся вихрь оранжевой юбки, нестерпимый блеск узкого меча.

Первому же сунувшемуся в комнату Андже́ла разmozжила череп. В сочетании с ужасающей силой вампи́рши булава наносила сокрушительный урон. В тот же самый момент Гор закончил заклинание, и темнота в комнате взорвалась, поглощенная ярким огненным сгустком, сорвавшимся с пальцев гнома. Лишь на секунду он выхватил из темноты перекошенные физиономии лезущих в проход мужиков, удирающую от двери Андже́лу и сосредоточенные лица Вана и Го́ра. А потом жидкое пламя хлестнуло прямо в дверной проем, обдав людей смертельным жаром. Дикие, почти нечеловеческие вопли огласили таверну сверху донизу. Люди корчились, местами до костей обожженные магией. Но в коридоре осталось еще несколько человек. Четвертый, никуда не торопясь, походкой человека, более чем уверенного в своих силах, легко перескочил через кучу тел в проходе и скрылся за дверью. Через несколько секунд в коридоре послышался упругий свист стали, влажный капустный хруст и стоны. Гор вышел из комнаты, собрав в охапку вещи всей

команды и крикнув Анджеле:

— Ну, чего застыли, Ваша Светлость? Ноги в руки и бегом отсюда.

— Двигай. Я догоню, — сказала Анджела каким-то странным голосом.

Гор пожал плечами и скрылся в коридоре. Вампирша стояла над трупами и заморожено глядела на щедро текущую на дощатый пол человеческую кровь. Вдруг один из мужчин пошевелился и застонал. Это был молодой парень в синей рубахе и холщовых штанах. Половина лица у него страшно обгорела. А темные волосы дымились.

Анджела опустилась на колени и слегка приподняла его за шею. Она почти с нежностью смотрела в замутненные болью глаза. На сведенные судорогой пальцы. На могучую шею, на которой билась-билась-билась манящая голубая жилка.

А потом девушка наклонилась, сверкнули длинные клыки, и мужчина изогнулся дугой. Задыхаясь от сладкой боли, которая разливалась от шеи по всему телу. Слепо глядя в потолок невидящим взглядом. Пальцы его заскребли доски пола, размазывая кровь и цепляясь за тела мертвых спутников.

Через минуту все было кончено. Вампирша поднялась с колен и медленно вышла из таверны. Там ее уже в нетерпении ждали спутники. Лошади, получив шпоры в бока, рванули с места галопом, и через несколько секунд ночь поглотила троих путников.

Они ехали около часа. Только потом Ван решил остановиться и свернуть в лес. Но только лишь они направили лошадей к деревьям, обернувшийся воин заметил зарево далекого пожара. Полыхала, по-видимому, та самая деревня, из которой путники удрали с такой завидной поспешностью. Четвертый пару минут удивленно разглядывал все разрастающееся на горизонте багровое зарево, но потом решительно направил отряд в лес.

С Анджелой творилось что-то невероятное. Она болтала без умолку, при чем орала при этом на всю округу. Девушка качалась в седле, постоянно теряла поводья, и вообще было такое впечатление, что она страшно пьяна. Гор с удивлением присматривался к подруге. Раньше он за ней никогда не замечал такого поведения. Вампириша была большой любительницей спиртного. Она отлично разбиралась в пиве, водке, вине и прочих алкогольных напитках. И никому еще ни разу в жизни не удавалось перепить Анджелу.

Гор знал ее секрет. Вампиры обладают обменом веществ невероятной мощности. И к тому времени, когда нормальный человек только становится пьяным, Анджела уже начинает трезветь. Поэтому пить с вампиришей садились только новички, не знающие, что хрупкая внешность девушки еще не залог их собственной победы.

Но теперь вампириша была пьяна в стельку. Гор не понимал, в чем дело, а Анджела уже дважды пыталась запеть песню. Голос у девушки был приятный, да и талант к пению в землю не закопаешь, поэтому выходило недурно. Но очень уж громко.

И больше не вижу я неба,
Глаза затуманены болью.
Когда вытираю я слёзы,
Ладонь наполняется кровью...

Троица брела по лесу, ведя в поводу лошадей и разыскивая удобную полянку для ночлега. Гор молчал, Ван ругался в полголоса, Анджела оглашала чащу пьяными воплями. Наконец Четвертый приметил хорошее местечко. Вампиришу усадили на одеяло, а Гор развел костер.

И только Анджела знала, что именно опьянило ее. Подобным образом на вампиров действовало лишь одно — кровь.

Графиня, наконец, замолчала. Теперь она сидела, поджав под себя ноги, и ковыряла палочкой в костре. Гор устало улегся на своем одеяле. Сегодня он перенервничал. К тому же никак не мог отойти от того поистине страшного эффекта, которое произвело его заклятие. Он убил на месте четверых людей. Гном даже в мыслях не мог допустить, что будет когда-то использовать свой талант в таком ключе. Не то чтобы ему претило убийство. Нет. Просто он убивал впервые. С этого дня Гор совсем с другой точки зрения будет смотреть на рунную магию. Если раньше она была для гнома исключительно теоретической наукой, увлекательной, многогранной и почти всемогущей, то ныне она превратилась во вполне конкретную, прикладную. Рунная магия сегодня, возможно, спасла Гору жизнь. И у гнома были весьма серьезные предположения, что ей придется делать это еще не раз.

Ван, глядя в огонь, обдумывал последние события. Это был невероятно рассудительный

молодой человек. Он так и этак поворачивал и прокручивал в памяти сегодняшний вечер. Лица людей, улицы деревни, таверна, разговоры, ужин, ночная стража, бой — все до мелочей отпечталось в чудесной памяти Четвертого. Если бы у него был холст и кисти с красками, он бы смог в точности изобразить даже старую, покусанную короедами стойку в таверне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ван пытался найти ответ на вопрос — почему светлейший Укео вызвал столько негативных эмоций у селян? Тут же назойливой мухой вертелась фраза, оброненная Анджелой: «А что если это не совсем Укео? Вдруг им кто-то управляет?»

«Укео всегда любил и уважал своего отца и свою мать, — размышлял Ван, — зачем ему было убегать из Ханна? Ведь он недавно стал Седьмым. Это верх, это предел достижений для воина Храма. А ведь Укео всего девятнадцать лет. Этот воин войдет в легенды как самый молодой Седьмой. И что его заставило сорваться с этого чудесного места? Из родного Храма, где живут все те, кто его любит по-настоящему. Где ни один человек не посмеет сказать ему ни слова против. Это более чем странно...»

Но больше ничего подумать Ван не успел. Со всех сторон в кустах вдруг послышался едва слышный шорох. Четвертый вздрогнул и, вскочив на ноги, вытащил меч. Но ему пришлось тут же опустить оружие. Их окружили. Около десятка арбалетчиков и шестеро мечников. С мечниками Ван еще померялся бы силами. Один против шестерых — не предел для Четвертого. Но получить десять арбалетных болтов в живот ему совсем не хотелось, а отбивать стрелы он еще не умел.

Гор сидел, застыв, словно изваяние. Анджела же не придумала ничего лучше, как помахать воинам ручкой и со смехом крикнуть: «Добрый вечер, господа!!»

Как ни странно, ей ответили весьма учтиво:

— Добрый вечер, леди. Добрый вечер, господа. Наш предводитель приглашает вас разделить с ним его скромную трапезу. Пожалуйста за нами. — Их лошадей уже взяли под уздцы, костер затушили, вещи собрали и с почетным эскортом повели вглубь леса.

Минут через десять впереди показались отблески костров. Слышались разговоры и тихое ржание лошадей. А от костров поднимался самый чудесный запах на свете — запах жарящегося на костре мяса. Вскоре троица, сопровождаемая любезными конвоирами, вышла на очень большую поляну. Здесь расположилось около пятидесяти воинов. Но что-то подсказывало Вану, что это далеко не все резервы. Стреноженные лошади, пять или шесть больших костров с жарящимися над огнем тушами оленей или кабанов, негромкий смех, разговоры и шутки. На краю поляны возвышалась гранитная скала со щелью-входом. Путников повели именно туда. Подойдя немного ближе, Ван заметил отблески света внутри — там, в довольно широкой щели горел веселый костерок, защищенный от ветра. У костра сидели пятеро мужчин. Судя по движениям, голосам, оружию и доспехам сидящих, это была командирская ставка. Все пятеро подняли головы навстречу вошедшим. Несколько секунд все разглядывали друг друга.

Главным здесь был, по-видимому, могучий плечистый рыцарь лет тридцати пяти. Он восседал на импровизированном троне, состоящем из какого-то крупного камня, покрытого ковром. Увидев вошедшую девушку, рыцарь галантно поднялся. За ним встали все остальные. Хозяева и гости учтиво раскланялись друг с другом, и путникам предложили присесть. Все воины у этого костра были опытными и бывали, вероятно, во множестве переделок, о чем свидетельствовали многочисленные шрамы на руках и лицах.

Сначала представился главный рыцарь на «троне». Его звали Нед, по прозвищу Черный Меч. Этот воин, может, когда-то и был красив, но теперь жуткие шрамы покрывали его лицо. Нос Неда был, видимо, когда-то отсечен, а потом пришит на место. И теперь тонкий, но, тем не менее, заметный шрам добавлял колорита и без того малосимпатичному лицу. Глаза у рыцаря оказались водянисто-голубыми, почти бесцветными, а темные волосы засаленными и грязными. Но, похоже, его подчиненные мало интересовались личной гигиеной своего вожака. Главным было мастерство, оружие и доспехи. А доспехи у Неда были знатные. Стальные, по всем признакам очень дорогие гномские латы с красивой фигурной гравировкой. Меч рыцаря тоже вызывал лишь одно чувство — восхищение. Здоровенный двуручник с абсолютно черным лезвием, по которому, слабо отсвечивая золотом, узорной строчкой бежали руны.

После себя Нед представил гостям своих помощников.

Первым был старый ветеран Верон Хмурый — высокий крепкий старик лет шестидесяти. Это был настоящий дуб-богатырь — морщинистый, могучий, с огромными кулачищами и гривой вьющихся, абсолютно седых волос. Серая короткая борода в полладони, чистая и расчесанная, выглядела отчего-то странно клочковатой и неровной. Белые брови нависали над глазами так, что казалось, старик постоянно чем-то недоволен. Видимо, поэтому он и получил такое прозвище. Верон был облачен в полный чешуйчатый доспех, поверх которого старик запахнул теплый серый плащ, подбитый мехом. Видимо беречь свои кости в промозглые холодные ночи ветеран считал незазорным.

Рядом с Недом сидел Суттон Тёмный — тощий человек в черном балахоне, поверх которого была надета вороненая кольчуга. Капюшон укрывал его лицо, но временами, когда Суттон поворачивал голову, Анджела могла разглядеть воина. Но почти невозможно оказалось определить, сколько ему на самом деле лет. С равным успехом Суттону могло быть и тридцать, и сорок пять. На боку у воина Ван разглядел вороненую саблю. По всем повадкам этот человек был силен не в открытом бою, а в скрытном нападении под покровом ночи. Это был настоящий убийца.

С другой стороны от Неда сидел Тайрон, по прозвищу Страшный Крик. И когда Анджела, расхохотавшись, попросила объяснений этому диковинному прозвищу, Нед любезно пояснил, что Тайрон является большим знатоком и любителем пыточного искусства. Вампирша мгновенно перестала смеяться и уставилась на странного человека. Он не носил доспехов, зато темно-красный балахон его отличался богатством и изысканностью. Покрой, дорогой материал, фигурная золотая вышивка, золотые пуговицы — очень сильно отличали Тайрона от соратников, которые ни днем, ни ночью не расставались с доспехами. Тайрон был красивым, с его черными до плеч волосами, тонкими усиками и короткой бородой. Но он оказался лишенным обаяния в еще большей степени, чем графиня Кондор. Особенно после пояснений Неда Тайрона будто бы окружила какая-то жутковатая аура. Казалось, что этот человек пахнет кровью и мучениями.

Последним Нед представил самого молодого из присутствующих — Рема Всадника. Это был обыкновенный воин. Высокий, жилистый, с вьющимися смольно-черными волосами до плеч, черными усами и карими глазами. Простые, даже немного грубоватые черты лица располагали к себе своей правильностью, открытостью и истинно мужской красотой. Вся его одежда, оружие и кольчуга были очень добротными, но простыми. Рем присоединился к отряду Неда совсем недавно. Но он пришел со своими людьми, и, не смотря на молодость, уже успел прославиться как удачливый наемник. Именно поэтому Рем сидел сейчас у одного

костра с Недом.

После того, как хозяева представились, пришла очередь гостей. Путники назвали свои имена, титулы и ранги. Нед галантно поцеловал ручку Анджелы и предложил гостям вина. Вампирша, все еще довольно пьяная, тихонько сидела со своим стаканом в руках, чему Ван и Гор были несказанно рады. Четвертый собрался с мыслями и как можно любезнее произнес:

— Все мы рады столь радушному приему, но не скажете ли, уважаемый Нед, какова цель нашего визита?

— Ну что вы, мастер, — не менее любезно ответил хозяин, — не будьте столь подозрительны. Это действительно всего лишь визит вежливости. Видите ли, мои люди заметили зарево огромного пожара в стороне ближайшей деревни, а потом услышали чудное пение леди Анджелы. Еще вина, леди? Рем, налей. Так вот, мастер, прошу вас, поставьте себя на мое место. Конечно же, я не мог отказать себе в удовольствии пригласить на ужин столь интересных гостей. К тому же я надеялся, что вы расскажете мне о причине пожара в деревне.

— Да, действительно мы только что из этой деревни, — осторожно сказал Ван, — Но о причине пожара, к сожалению, мы не знаем совершенно ничего, и сами были страшно удивлены.

— Жаль... — вздохнул Нед. — Ну, ничего.

И вдруг Вана озарило. Он вспомнил, что когда-то, несколько лет назад слышал о Неде, по прозвищу Черный Меч. Этот человек начинал разбойником. Он грабил купцов, торговцев и богатых путников. О его мастерстве и его черном мече ходили по Империи самые невероятные слухи. Он считался одним из самых сильных бойцов. Ван забыл о Неде потому, что храмовника как воина интересовало исключительно фехтование, а черным двуручником Неда особенно не пофехтуешь, поэтому этот рыцарь за ненужностью быстро исчез из памяти Четвертого. Но теперь, глядя на золотые руны угольно черного клинка, Ван вспоминал подробности.

После удачного начала карьеры Нед переквалифицировался из разбойника и грабителя в наемника. Его отряд был очень сильным. Никто не рисковал связываться с Черным Мечом. Потому как солдатская выучка в отряде у рыцаря была на высоте. А сам Черный Меч никогда еще не проигрывал боя.

— Скажите, а куда ваш отряд направляется сейчас? — Ван решил узнать, не по пути ли им с Черным Мечом. Неплохо было бы проехать часть пути под надежной защитой.

— Мы едем в Аларат.

Аларат назывался крупный город в двух днях пути отсюда, на западе. Аларат славился постоянными турнирами, боями и военными выступлениями. Для этой благородной цели там даже возвели огромных размеров Арену, вмещающую тысячи зрителей. Основной доход городу приносили именно эти бои.

— Неужели на Арену?

— Конечно! — довольно кивнул Нед. — Ведь через несколько дней начнется Великий Турнир, главный приз которого составит сто тысяч золотых.

— Сколько??? — Ван с Гором едва не поперхнулись.

— Именно, — расхохотался рыцарь. И медленно повторил, наслаждаясь каждым словом, — Сто. Тысяч. Золотых.

— Действительно Великий Турнир, — улыбнулся Гор. — Мне такие деньжищи и в сладких снах не снились, право слово.

— И вы серьезно рассчитываете победить? — Вана пробрал чисто профессиональный интерес. В ответ воины гордо заулыбались, глядя на своего предводителя.

— Я уверен в победе, — с достоинством кивнул Нед. — Конечно, на турнир приедут лучшие из лучших, но все же я уверен, победа будет за мной, — он любовно погладил рукоять своего знаменитого черного меча.

— Ну, в таком случае, — на редкость удачно встряла Анджела, — мы непременно поедem с вами, чтобы поддержать вас и насладиться зрелищем вашей победы.

— Сочту за честь, леди, — отозвался Нед и снова поцеловал ручку графини.

Вся компания еще несколько минут болтала о всяких незначительных мелочах, обмениваясь любезностями и рассыпаясь в комплиментах. Но вдруг к Неду подбежал один из воинов и что-то прошептал ему на ухо. Лицо Черного Меча посерьезнело. Он подумал секунду, и отдал приказ:

— Постарайтесь взять живым. Если что, валите его из арбалетов.

— Слушаю, командир, — воин бегом отправился выполнять приказ.

— За кем вы охотитесь, Нед? — спросила Анджела.

— Да есть тут один странный тип... — задумчиво проговорил Черный Меч. — Мы его видели уже несколько раз издалека. Верон думает, что этот тип нас преследует. И вот сейчас он опять появился. Я думаю, надо его на всякий случай грохнуть. Мало ли что?

При этих словах все пятеро воинов у костра согласно кивнули.

— Э... Нед, скажите... а этот странный тип... — от волнения у Вана похолодели руки, — Он как выглядит? Небольшого роста, в синей юбке и с мечом за плечами?

Над костром повисла тишина. Несколько секунд все молчали. Слышно было лишь, как потрескивают в огне ветки и негромко переговариваются на поляне воины. А потом тишина взорвалась дружным хохотом. Четвертый непонимающе смотрел то на одного воина, то на другого. Немного просмеявшись, Нед утер кулаком выступившие слезы и сказал:

— Простите, мастер. Но тот, кто за нами следует — всадник огромного роста, в черных доспехах и большущим двуручником.

— Понятно. — проговорил Четвертый. Но в душе он поблагодарил Богиню за то, что это действительно оказался не светлейший Укео. Было бы просто катастрофой получить его труп, утыканный арбалетными болтами, словно подушечка для булавок.

Ван хотел было спросить у Неда еще что-то, но в этот момент Анджела встрепенулась:

— Там кричат, — сказала она.

— Кричат? — непонимающе переспросил Нед.

— Ну да, люди кричат. Врезают, как будто их режут.

— Не слышу...

Все прислушались, стараясь различить сквозь слабое потрескивание костра и тихое бормотание солдат на поляне что-то необычное.

— Ну вот, опять. Сейчас слышите? Уже ближе, — вампирша ткнула пальцем в ту сторону, откуда по ее словам слышались вопли.

— Да! Я слышу! — воскликнул внезапно Рем. — Несколько голосов. Нед, правда орут очень страшно.

Но комментарии больше не требовались, Черный Меч крикнул одному из офицеров, чтобы тот построил людей. Воины мгновенно вскочили от костров, бурдюков с вином и оленьего жаркого. Минута потребовалась на то, чтобы все до единого стояли в полном вооружении, готовые броситься в бой.

А через несколько минут приближающиеся вопли слышали уже все. Крики были действительно страшные, будто людей рвали на куски. Воины набычились, приготовили оружие, первые ряды выставили вперед щиты. Такую оборону не пробить сходу даже опытным солдатам.

И вот в какую-то минуту это услышали все: тяжелый мерный гул. Будто кто-то четко и размеренно ухал в грудь земли тяжелыми молотами. Воины еще ниже нагнули головы. Они не представляли, что могло издавать этот гулкий, какой-то утробный, невероятно тяжелый перестук. Звук все нарастал, становился громче, отчетливее, и вот из-за деревьев показалась фигура всадника. И в этот миг все до единого поняли, что издавало этот гул. Это были копыта коня.

Говоря Вану «всадник огромного роста», Нед явно приуменьшал. На самом деле этот тип оказался просто гигантским. С ног до головы закованный в тяжелую черную броню, в глухом шлеме, похожем на ведро, по бокам которого виднелись небольшие нетопыринные крылья, этот всадник казался великаном. Он сидел на лошади, которую сложно было вообще-то назвать таким скромным именем. Черная, словно сама ночь, тварь была громадной, и так же, как ее хозяин, целиком закованой в черную броню. Всадник без сомнения был Паладином. И этот Паладин возвышался над землей не меньше, чем на три с половиной метра. Он вылетел из леса, словно демон, занеся для удара огромное копьё. К чести воинов Черного Меча, ряды не дрогнули. Но это им мало помогло. Черный Паладин влетел в строй солдат, словно шар в кегельные ряды. Сходу он насадил на копьё троих воинов и еще пятерых затоптал конем. Потом поднял свое оружие над землей и, одной рукой стряхнув насаженные на копьё тела, снова вломился в толпу людей.

Нед вскочил с места. За ним поднялись остальные. И все пятеро, на ходу вынимая оружие, направились к месту сражения. Трое путников выглядывали из пока безопасного места и с ужасом наблюдали за бойней. А то, что творилось сейчас перед их глазами, кроме как «бойня» назвать было нельзя никак. Черный Паладин ворочался среди наемников, словно матерый медведь среди мелких шавок. Он без устали колот копьём и давил людей черным конем. То он вертелся в самой гуще, то отскакивал к лесу, будто любуясь на свою работу, и потом вновь гнал своего страшного коня в не успевшие еще сомкнуться ряды. Гнал сквозь щиты, сквозь копья и мечи, будто били и колотили его не оружием, а березовыми вениками. Смотреть на это даже издали было жутко. Черный Паладин казался неуязвимым. Все удары, которые достигали его, лишь высекали искры на тяжелой броне. Но воины Черного Меча не зря слыли одними из лучших. Они окружили Паладина и начали его теснить, грозя вот-вот стащить с лошади. Всадник понял, что совершил ошибку, и не замедлил ее исправить. В последний раз махнув копьём, он спешил и достал невероятный по размерам черный двуручный меч. Шириной в две ладони, длиной не меньше двух метров, это чудовище в несколько секунд расчистило пространство вокруг Черного Паладина. Одним ударом он убивал столько людей, сколько смог зацепить. И никакие кольчуги и кирасы не спасали от этих по истине страшных ударов.

В этот момент командование добралось до места схватки. Рем, как самый молодой и горячий сразу же бросился в бой. И через секунду отлетел назад. Мертвым. С разрубленной до самой спины грудью. Черный Паладин даже не заметил воина, а просто, почти не глядя, отмахнулся от него.

Верон поступил умнее, он подловил момент и атаковал снизу. Боевой топор ветерана никогда не подводил хозяина. Не подвел и в этот раз, — удар достиг цели. Но тщетно. Удар прошел по черной броне, снова лишь выбив несколько искр, и не принес никакого результата. Паладин обернулся и надвинулся на Верона. Ветеран поднял оружие. И тогда Паладин ударил. Ударил один раз, второй и третий, крест накрест, сверху, не останавливаясь, с каждым ударом будто стараясь вбить старика в землю. Первый удар

Паладина Верон заблокировал. Он заблокировал и второй, но при этом сломал свой топор и правую руку. Третий удар отводить было нечем, и старик Верон Хмурый стал ровно на голову короче.

И вот, когда мертвое тело Верона упало на землю, справа раздался громкий смачный щелчок. О броню Паладина со страшным лязгом что-то ударилось, но снова полетели лишь искры, а от черной брони отскочил огромный зазубренный арбалетный болт. Паладин повернулся в сторону стрелявшего. Это был Тайрон Страшный Крик. В руках палач держал жуткого вида конструкцию. По виду это напоминало арбалет, но только очень хитроумно доработанный. По всему видна была гномская работа. Что-то в арбалете парило, скручивалось, автоматически взводилось, но все же гномы не рассчитывали на стрельбу по столь нестандартным целям, поэтому Паладин настиг Тайрона гораздо раньше, чем тот смог снова привести машину в действие. В два гигантских шага он навис над палачом. В ночное небо взлетел огромный черный меч, и на землю упали только две половины знаменитого Страшного Крика. Сам он умер молча.

А в это время Неду докладывал один из солдат, которые были отправлены убить Паладина. Воин сказал, что Паладин ехал по дороге, но когда в него начали стрелять, свернул и погнал коня вслед за удирающим отрядом.

— Отступайте, — приказал Нед.

В тот же миг, когда огромный меч развалил надвое Тайрона, сзади на спину Паладину запрыгнул Суттон Тёмный. Ловкий, жилистый, убийца обхватил Паладина одной рукой за шею, а второй размахнулся и вонзил противнику под мышку длинный кинжал, прямо в сочленение доспехов. Паладин дернулся, хотя клинок почему-то вошел не так глубоко, как рассчитывал Суттон. И в этот момент кинжал не выдержал напряжения и сломался, оставив в руках убийцы бесполезный обломок. Паладин извернулся, схватил Суттона за ногу и, словно котенка, стащил его со своей спины. Подержал его одной рукой на весу, будто удивляясь такой ловкости человечка, а потом, швырнул убийцу на землю и всем весом наступил сверху ногой. Грудная клетка хрустнула, словно орех. У Неда Черного Меча больше не осталось живых помощников.

Тогда он сам поднял свое оружие и шагнул к Паладину. Противники стояли лицом к лицу, разглядывая и оценивая друг друга. Но вот Нед, разъяренный смертью своих лучших бойцов, взмахнул мечом и воины схлестнулись. Как ни странно, Паладин не убил Неда ни с первого удара, ни со второго. Черный Меч и в самом деле был могучим бойцом. Он даже исхитрился очень удачно сделать сложный выпад и воткнул меч в плечо Паладина. Но на этом удача покинула Неда. Паладин мгновенно перехватил рукоять черного меча Неда, что торчал в его плече, и дернул клинок, вытаскивая его из себя. Движение было настолько сильным, что Неда просто сбilo с ног ударом рукояти его собственного меча. Рыцарь упал на землю. Паладин тут же шагнул к Неду и, размахнувшись, пригвоздил воина к земле его же собственным клинком. Нед задохнулся от боли, лицо его побелело, но он не издал ни звука.

А Паладин уже оглядывался на удирающих солдат. Видимо, для мести за арбалетные стрелы, которыми его осыпали из засады, ему показалось мало той мясорубки, что он устроил на этой поляне. Непременно требовалось убить всех до одного. Поэтому он снова вскочил на свою лошадь, чтобы скакать вслед за кучкой оставшихся в живых людей. Но перед тем как тронуть коня с места, Паладин протянул руку к груди. На шее у него висел странного вида амулет. Латная перчатка сомкнулась на амулете, ломая его, кроша в мелкий порошок. И вдруг на поляне потемнело. Фигура Паладина будто бы стала еще больше.

Черные, непроглядные крылья поднялись вдруг у него за спиной. Вокруг всадника заискрились молнии, и он умчался в глубь леса, чтобы найти и убить каждого из этих людишек, осмелившихся напасть на него.

Только через несколько минут трое путников осмелились высунуть нос из своего убежища. Гор был бледен, словно полотно. С Анджелы мгновенно слетел весь хмель. Даже Вану, самому подготовленному из этой троицы, было жутко. Путники стояли посреди залитой кровью и заваленной трупами поляны. Только пятнадцать минут назад все они жили, пили вино, ели мясо, строили планы на будущее. А теперь все мертвы. Из леса послышался дикий человеческий вопль.

Анджела подошла к Неду. Рыцарь лежал, закрыв глаза. Лицо его было странного, немного синюшного оттенка. Из рта тоненькой струйкой текла кровь. Но грудь еще поднималась, не желая сдаваться и вталкивая в могучие легкие последние глотки воздуха. Вампириша поднатужилась, как следует уперлась ногами и, изогнувшись дугой от огромного напряжения, выдернула черный меч. Девушка коснулась ладонями лица Неда, мысленно обследуя рану, и безнадежно покачала головой. Здесь она была бессильна. Черный Меч был ко всему прочему еще и отравлен каким-то жуткой силы ядом, о котором Анджела даже не слышала. При ее небольших способностях лечение это будет подобно инъекции в протез. Вампириша опустила страшное оружие рядом с его хозяином, положив ладонь Неда на рукоять черного меча. Вдруг пальцы рыцаря сжались. И в этот миг тело его дернулось, грудь в последний раз судорожно поднялась и замерла.

Так погиб великий и могучий, не знавший поражений Нед Черный Меч.

За спиной вампириши с печальными лицами стояли Гор и Ван. Вампириша, посидев еще минуту, вдруг потянулась и стала обшаривать мертвое тело Неда. Через некоторое время Анджела обнаружила небольшой мешочек с золотом и еще один меч — легкий и короткий. Девушка почти без интереса разглядывала ножны и рукоять с небольшим красным камнем. Ее не интересовали мечи — она все равно не умела ими пользоваться. Когда-то ее учили владению длинными клинками, но было это давно, и все старания учителей пропали втуне, потому что Анджела тогда была увлечена чем-то совершенно другим.

— Анджела, что ты делаешь? — возмущению Вана не было предела. — Зачем ты берешь эти вещи?

Вампириша покрутила пальцем у виска:

— Ван, очнись. Все они уже мертвы. Поэтому это не считается воровством. — И она выразительно посмотрела в сторону Гора, который в это время обшаривал какого-то воина-орка. — Скажи, зачем мертвецам деньги? Куда они их денут? А нам очень даже пригодится. Лучше помоги.

— Нет. Помогать вам в этом деле я не стану.

— Не хочешь ручки пачкать?

— Нет. Просто мне нельзя. Не положено.

— Ладно. Но от трети добычи ты явно не откажешься.

Ван подумал и улыбнулся:

— Не откажусь. Вот, например, этот меч. Дай-ка взглянуть.

Анджела без сожаления отдала Четвертому клинок. Ему он подходил гораздо больше, чем ей самой.

— Интересное оружие. — Ван вынул из ножен меч. — Какой красивый. Смотри, на

рукояти рубин. — Воин шагнул назад и сделал выпад, — Какой легкий! Анджела, это чудесный меч. Он так удобно лежит в ладони, как будто специально для меня делали.

— Наслаждайся, — отмахнулась вампирша. Она уже заприметила за пазухой одного из воинов какое-то странное вздутие. Там явно что-то лежало.

Вдруг Гор воскликнул:

— Здесь у меня живой!

Анджела и Ван оглянулись. На земле сидел крупный черноволосый орк. Левая сторона туловища его была сплошь улита кровью. Он заметно берег левое плечо. Видимо, меч Паладина прошел вскользь, и раненый орк затаился среди мертвых. А теперь, когда Гор попытался еще и ограбить воина, он не выдержал и подал активные признаки жизни. А именно, он ругался. Громко и матерно, басовито понося Черного Паладина, всех его родственников до седьмого колена и его жуткий двуручник. Анджела слушала все эти излияния около минуты, склонив голову на бок и запоминая новые слова, а потом сказала:

— Ладно, не ори. Найдешь новую работу. Главное, что жив остался. Как тебя зовут?

— Горгон, — буркнул орк и поднялся с земли.

Путники вернулись к прежнему занятию, орк также вносил посильную лепту.

Таким образом, минут через пятнадцать четверка мародеров собрала очень богатый урожай. Гор, как самый основательный, не стал размениваться на обшаривание трупов простых воинов, а, поразмыслив немного, спросил Горгона о судьбе отрядной казны. Казна отыскалась довольно быстро — на ней, оказывается, и сидел в свое время покойный Нед. В сундуке, покрытом богатым ковром, обнаружилось около двух тысяч золотых. Деньги тут же разделили на четверых. Кроме того Ван получил новую игрушку в виде меча, а вампирша нашарила у одного из воинов маленький мешочек с небольшими неограниченными драгоценными камнями.

«Пригодится», — подумала Анджела и забрала мешочек.

Горгон, порывшись среди трупов, выковырнул для себя чью-то здоровенную секиру.

— Моя сломалась, — пояснил он путникам. — На нее эта зверюга черная наступила копытом своим гадским.

Закончив свое грязное дело, путешественники оседлали коней и тронулись в путь. Горгон изъявил настойчивое желание ехать с ними. Троице авантюристам оставалось только надеяться на то, что Укео проезжал через Аларат. А может быть, даже задержался там, чтобы посмотреть Великий Турнир. Как рассказывал Нед, это должно было быть незабываемое зрелище. Ван высказал общую мысль, предложив ехать как можно тише.

— Кто его знает, где носится теперь этот бешенный Черный Паладин. Как бы не наскочить на него случайно.

И четверка пустила коней легкой рысцей. Благо лес был довольно редкий.

А через несколько минут Ван, обернувшись, едва не вскрикнул. Все посмотрели в сторону, куда указывал Четвертый, и сердца их с безумной скоростью ухнули куда-то вниз, в пятки. Сзади них, там, где они только что проехали, метрах в ста, на пригорке стояли двое. Один из них Черный Паладин. На своем громадном коне и с жутким мечом. А второй...

— Ма-ма... — едва смогла выдохнуть вампирша. — Лучше бы она никогда в жизни не видела такого. Еще минуту назад она думала, что Черный Паладин — огромен. Нет! Всадник был просто карликом по сравнению с тем, кто стоял сейчас рядом с ним. Паладин, сидя на своем черном слоне, делающем вид, что он — лошадь, был трех с половиной метров в высоту. Но его спутник — похожий на монаха в черной рясе с широким капюшоном — пеший, без

лошади был одного роста со своим спутником. Да и не рождалось в природе лошади, которая не сломалась бы под этой громадиной.

Двое на холме явно видели четверых путников. И четверка решила сматываться из этого места, пока не стало слишком поздно. Но как только они тронули лошадей, гигантская фигура монаха качнулась и направилась за ними.

— Быстрее!! — взвизгнула Анджела, вонзив каблуки в бока лошади. Животное прыгнуло с места бешеным галопом. Мужчины на своих лошадях не отставали. Им было до одури страшно. Они изредка оглядывались назад и, холодея, замечали, что расстояние между ними и их жутким преследователем все более сокращается. Он уже подобрался к удирающей изо всех сил команде метров на пятьдесят. И теперь все четверо видели, оборачиваясь, что преследователь их, хоть и нагоняет их так резво, но все же заметно приволакивает одну ногу. А когда впереди в лесу начал попадаться какой-то бурелом, и лошади, понукаемые одуревшими от страха всадниками, прыгали через поваленные деревья, то путники отчетливо слышали странный звук. Когда черный монах перебирался через упавшие деревья, его нога задевала за стволы, и тогда слышался громкий металлический лязг.

— У него нога железная что ли? — крикнула Анджела.

— Наверное. А чему еще лязгать? — отозвался Ван.

Путники все настегивали коней. Животные мчались по лесу, словно по степи. Всем четверым всадникам невероятно везло. Если бы на их пути попалась хоть одна подлая ветка, не сносить бы им головы. Но сегодня видимо была их ночь, поэтому, оглянувшись через несколько минут безумной скачки, Анджела, прекрасно видевшая в темноте, не разглядела за спиной монаха. «Застрял в кустах что ли?» — злобно подумала вампирша. Путники чуть замедлили ход, но все еще поминутно оглядывались назад.

Они почти добрались до дороги. Впереди уже маячили просветы, но вдруг Анджела остановила коня. Вампирша чувствовала, как необъяснимый страх волной поднимается в ее душе. Будто надвигалось нечто ужасающее, необъяснимое, сеющее смерть и боль. Проехав пару шагов вперед, остановились и остальные.

— Что за дрянь такая творится здесь? — бросил Гор. Он, конечно, подозревал, что путешествие не будет праздником, но не до такой же степени.

Напряжение все нарастало. И вдруг сбоку со стороны погорелой деревни в небе показались зеленые сполохи. С каждой минутой они становились все ближе. Путники сползли с лошадей и залегли в буреломе у дороги, силком уложив рядом и лошадей, обняв руками морды животных, чтобы те не фыркали и не ржали. Все четверо путников тряслись, как осиновые листья. Страх накатывал мутной волной, притупляя сознание. Зеленые отсветы показались совсем рядом, и путники услышали уже знакомый гулкий перестук.

— Опять Черный Паладин? — зашипела Анджела, — Чего он за нами гоняется?

— Главное, чтобы его малорослый друг с железной ногой не появился, — буркнул Гор, — А то я так сразу даже не смогу выбрать, с кем из них обниматься в первую очередь.

Анджела оказалась права. Это действительно был Черный Паладин. Но в этот раз он оказался действительно страшен. Гигантские, непроглядно черные крылья из тьмы за спиной поднимались до самых звезд. Вокруг всадника по огромной окружности метались в зеленой мутной дымке призрачные черепа. При виде всего этого страх, сдавливавший раньше сердца путников, развернул свои крылья в их душах, заставил прижаться к земле, уткнувшись носами в пыль, и закрывать головы руками. Все четверо сейчас молились лишь о том, чтобы Черный Паладин их не заметил.

Всадник проехал мимо по дороге к Аларату. И только через несколько минут друзья смогли поднять головы от земли. Они поднялись, хмурые и растерянные. Молча отряхивались и приводили одежду в порядок.

— Нельзя ехать по дороге, — сказал Ван. — Давайте поедем по лесу вдоль тракта.

Все остальные молча кивнули. Это было самое разумное решение. С большим удовольствием любой из них вернулся бы сейчас домой, но путники подавили в душе эти жалкие трусливые мыслишки и двинулись в путь. Весь остаток ночи они пробирались по лесу метрах в тридцати от дороги. Ничего больше не случилось, и поэтому с рассветом они осторожно подъехали к самому тракту и выглянули на дорогу. В сторону горелой деревни — никого. В сторону Аларата...

— Смотрите-ка, телега, — сказал Ван.

— Угу. Без лошадей. — Анджела была самой зоркой из троих. — Возле телеги двое. Люди. Женщина и, кажется, мужчина. Точно, мужчина. Стоит на коленях.

Путники медленно приближались к телеге и с каждым шагом все отчетливее понимали, что это не просто люди. В конце концов, пораженная четверка остановилась возле телеги, пытаясь угадать, кто же был в силах учинить над двумя людьми такие издевательства. Это были парень и девушка. Совсем молодые, лет по двадцать, не больше. Оба были мертвы. Но видимо убийце показалось мало просто убить. Девушка сидела на месте возникшего, а юноша мертвым стоял на коленях перед ней. Руки их были сложены и прибиты вместе к телеге одним огромным гвоздем. Присмотревшись, Анджела заметила, что это был не просто гвоздь. Это был толстый штырь, с выгравированными на нем рунами.

— Это что же такое? Ритуал что ли какой-то? — Анджела с интересом разглядывала трупы мучеников.

— Похоже на то. Помнишь, у нас была лекция... — Гор замолчал и задумался. Потом медленно проговорил, — Похоже на то, что это какой-то ритуал демонологии.

— Вот только демонологов нам тут не хватало! — воскликнула Анджела. — Не жизнь, а сплошная засада.

— Ладно, давайте поедем дальше. — Ван тронул коня, — А то у меня от этого места мурашки по коже.

Целый день после того, как они натолкнулись на страшную телегу, путники ехали лесом, рядом с дорогой. Команда вздрагивала при каждом подозрительном шорохе, опасаясь снова увидеть неподалеку какую-нибудь жуткую черную фигуру. Но фигур, к счастью, им больше не попадалось. Зато стали встречаться телеги крестьян, возы торговцев и даже целые купеческие обозы. Большинство ехало в ту же сторону. Путники повеселели, и даже лошадки их зашагали бодрее. До города оставалось два дня пути.

— Нет, это ужас какой-то, ей-богу. — Гор в задумчивости потер кончик длинного носа, — я всю жизнь сидел дома или в Академии над книжками. И я даже представить себе не мог, что стоит выйти за порог, как на меня тут же насядут разбойники и чокнутые Паладины.

— Да ладно, Паладин-то всего один и был. — Анджела находилась в прекрасном расположении духа. Она грызла яблоко, миролюбиво сверкая длинными клыками.

— Ага! Зато если бы он нас нашел... — Ван скорчил такую физиономию, что продолжать смысла не было, все и так поняли его мысль.

К вечеру команда, забившись поглубже в лес, сделала привал. Гор развел небольшой костерок, вырыв в земле ямку, чтобы огня не было видно со стороны. Утомившиеся за день кони, мирно общипывали листья с ближайших кустов.

— Я одного не пойму, что это за урод с железной ногой гнался за нами в лесу? — Анджела пару раз звонко хлопнула прутиком по голенищу сапога, задумчиво глядя в огонь. — Он роста был метров четырех.

— Я никогда ничего подобного не видел, — согласно кивнул Ван. — Даже не могу предположить, кто это.

— Слушайте, — техническая мысль гнома пошла вразнос, — а может быть это и не живое существо? Может у него не одна нога железная?

— В смысле???

— В прямом! — вдохновенно продолжал Гор, — может быть, это целиком механическое существо?

— А чего же оно тогда от нас отстало? — Анджела всегда скептически относилась ко всякого рода механизмам, не доверяя сложным технологиям, — завод кончился или керосину не хватило?

— Да кто его знает... — отмахнулся гном, — Неважно. Главное, что мне кажется, — Черный Паладин управляет этим существом.

— Так уж и управляет... — Ван замолчал, пораженный внезапной мыслью. «Управляет». «Управляет». «А что если это не совсем Укео? Вдруг им кто-то управляет?» Эти слова Анджелы, словно шило, пронзали все рассуждения храмовника.

— А мне все-таки кажется, что этот монах вполне живой, — вампирша упрямо поджала губы, — ведь он же весь замотан с головы до ног в свой балахон. Ничего не разглядеть.

— Тем более, это не доказывает, что он не механический, — Гор, когда на него находило, становился не менее упертым, чем Анджела.

— А вот меня еще волнует та телега, помните? — встрял в разговор Горгон.

Вампирша и гном уставились на орка с такой яростью, что зеленокожий поспешил заткнуться. Но Гор внезапно задумчиво нахмурился и почесал затылок.

— Поймите, что-то вертится... Что-то такое... — гном щелкнул пальцами и мучительно возвел глаза к темному небу. — Люди у телеги были убиты ритуально.

— Ритуалом демонологии, — подсказала Анджела, заинтригованная возможностью разобраться в происходящем.

— Да, убиты ритуалом демонологии. Значит, где-то совсем рядом есть демонолог.

— Логично, — кивнул Ван.

Вампиршу передернуло. Она вспомнила единственное в своей жизни посещение личного кабинета декана факультета Демонологии. Зрелище было более чем жутким.

— А может быть Черный Паладин и есть этот демонолог? — опять подал голос Горгон, — он ведь как раз в ту сторону и ускакал.

— Нет-нет! — воскликнул Гор. По его взволнованному лицу было ясно, что он ухватил-таки свою мысль за хвост. — Нет! Это не Черный Паладин! Я не слышал ни об одном паладине, который занимался бы демонологией. У них другой профиль.

— Да уж, стиль не тот... — Ван легко вскочил с места и сделал несколько движений, будто рубил что-то двуручным мечом.

Гном улыбнулся и согласно кивнул:

— Да. Стиль не тот. Но раз мы видели, что Черный Паладин проехал ту сторону, а этот жуткий монах с железной ногой — его спутник...

— То что?!? — Анджела никак не могла сложить два и два.

— Что-что!! Значит, что эта черная громадина в рясе и есть демонолог. — Гор ударил кулаком в свою раскрытую ладонь, будто припечатывая патент на догадку.

— Заберите меня отсюда... — жалобно попросила Анджела, обратившись к пустоте. — Я домой хочу...

К концу второго дня вдалеке показался большой город. Это был Аларат.

Аларат на всю Империю славился своим весельем, яростью и боями. Город был меньше Ханна, но гораздо ярче, может быть крикливее и вычурнее, но ведь многим именно это и нравится. Роскошь, золото, шелка, красивые женщины, музыка и лучшее вино. Всего этого можно было найти в Аларате вдоволь. Шикарные магазины с цельными стеклянными витринами, небольшие магазинчики, лавки и лавчонки, — на любой вкус, на любой цвет, для любого кошелька. Эльфийская филигрань, гномская хитроумность, орочья простота, людская общедоступность — все продавалось, и все покупалось.

Поинтересовавшись у одного из горожан, где можно найти недорогую, но приличную таверну, путники воспользовались указаниями и вскоре отыскали приземистое, двухэтажное, довольно чистое строение. На вывеске значилось: «Хвост Дракона».

— Ничего так... — одобрительно кивнул Гор. Ему нравилось все большое и внушительное. А Дракон был именно из этого разряда.

Войдя в таверну, путешественники сразу же сняли две комнаты на несколько дней. Приходилось ночевать по двое, потому что на этот месяц практически все таверны, трактиры, гостиницы и даже кабаки были под завязку забиты постояльцами. Грядущий уже не за горами Великий Турнир заставлял стекаться в Аларат тысячи и тысячи людей. Это было чудом, что путникам удалось вот так сразу найти целых две свободных комнаты. Цены, конечно, были баснословные, но четверка могла себе это позволить. Гор и Анджела решили ночевать в одной комнате, оставляя Вану нового знакомца. Забросив вещи в комнаты, друзья принялись осматриваться. Гор, Анджела и Ван остались ужинать и приводить себя в порядок, а Горгон отправился искать целителя. Рана на плече очень сильно болела.

Поплутав немного в переулках, орк нашел, наконец, нужный дом. Невысокий заборчик, широкое крепкое крыльцо, белые занавески в окнах. Ласково звякнул колокольчик над входной дверью, и Горгон вступил в тихий дом. Едва уловимые странные запахи витали в воздухе, все вокруг чистое и светлое. И тишина. Не гнетущая, а будто успокаивающая, очень мягкая. Орк остановился посреди комнаты, не зная, что делать дальше. Но вот за одной из дверей послышались легкие шаги, и в комнату вошел белый целитель. Это был невысокий темноволосый мужчина лет тридцати пяти в белоснежном одеянии, прямо указывавшем на его профессию. Умиротворенная улыбка, присущая каждому из этой милосердной братии, освещала лицо целителя. Горгон мгновенно успокоился. От одной этой улыбочки белого на душе у орка похорошело, и пришла странная уверенность, что все будет в порядке. Целитель не задал ни одного вопроса, лишь мельком взглянул на окровавленное плечо гостя. Он подошел почти вплотную, поднял тонкую белую руку и коснулся Горгона. На миг орку показалось, что чуткие ласковые пальцы ощупывают его плечо изнутри, оценивая

серьезность повреждения, но не касаясь большого места. И вдруг в плече стало покалывать, словно сотни крошечных булабочек щекотно касались раны. Горгон фыркнул и в тот же миг увидел, что на белоснежном плече целителя проступило внезапно большое кровавое пятно. Зрачки белого резко сузились от внезапной боли, но кроме этого он ничем не выдал своих чувств, даже веки его не дрогнули. Через несколько секунд всё было кончено. Горгон двинул плечом и обнаружил, что оно совершенно здорово. Зато целитель с трудом держался на ногах. Одевание его пропиталось кровью, лицо побледнело, но он крепился. Белые целители большую часть времени учатся только одному — терпеть боль. Брать на себя чужое страдание, чужие раны — это их работа. Это их жизнь.

Орк пораженно всматривался в лицо человека, избавившего его от боли. Раньше Горгону никогда не приходилось пользоваться услугами белого целителя.

— Братишка, ну ты как? Ты нормально? — воин не знал, как подступиться к целителю. Он испытывал острое чувство благодарности и растерянность вперемешку со стыдом. Целитель был гораздо меньше и хрупче орка, и рану эту, конечно же, переносил гораздо тяжелее. Но ни словом, ни взглядом не выдавал он (теперь уже своей) боли.

— Спасибо тебе, братишка. Большое спасибо, — орк бормотал какие-то благодарности, понимая, что все это пустое, что никак не выразить словами то щемящее чувство, которое родилось сейчас в его душе. Не хватало слов.

Поэтому Горгон предложил единственное, что у него было:

— Я тебе денег оставлю, ладно? Сколько нужно, чтобы хватило? Сколько, ты только скажи.

— Сколько позволит тебе совесть, — ответил целитель. И на прощание легко коснувшись плеча орка, он ушел в жилые комнаты. Горгон потоптался на месте, почесал за ухом и вышел из дома целителя, оставив на столике двадцать золотых монет. Совесть позволила орку очень много. На эту сумму можно было безбедно прожить целый месяц. И обычно за подобные операции целители получали около двадцати серебряных. Но на Горгона вся эта процедура произвела поистине неизгладимое впечатление. И потому он просто не допустил мысли о том, чтобы заплатить мало или тем более не заплатить вообще. К слову сказать, белых целителей не осмеливались обделять или обижать даже самые жестокие воины, даже самые жадные разбойники и головорезы. Слишком огромно было самопожертвование этих белоснежных святош, слишком много чужой боли они приняли на свои не всегда могучие плечи.

Вернувшись в таверну, Горгон поужинал и завалился спать. Едва голова его коснулась подушки, как послышался могучий орочий храп.

«Устал, орчара, — подумал Ван, укладываясь на своей кровати, — только вот храпит, как гномский поезд, как бы не помешал», — подумал и тут же провалился в глубокий сон.

Проснулся Четвертый от того, что солнечный свет бил ему прямо в глаза. Ван потер лицо ладонями, сладко потянулся и сел на кровати. Горгона не было в комнате. «Завтракать пошел, — подумал Ван, — надо тоже вставать». Но уже через секунду храмовник заподозрил неладное. В комнате не было не только орка, но и его вещей. Бросив взгляд на свой дорожный мешок, Четвертый отчаянно матюкнулся, — рюкзак был разворочен и перерыт. Ван мгновенно все понял и никуда торопиться не стал. Орк все равно уже успел скрыться из города. Да, если честно, и догонять его большой охоты не было. Предательство и воровство храмовники воспринимали, как смертный грех и повод для убийства. Но сейчас Четвертому меньше всего на свете хотелось нестись неизвестно куда, чтобы убить неизвестно кого. Он присел рядом с мешком, кончиками пальцев коснулся одной вещи, другой, пытаясь оценить ущерб. После беглого осмотра выяснилось, что кроме денег ничего не пропало. Да и то лишь тех денег, которые выделил путникам Храм. Пятьсот золотых из казны покойного Неда Черного Меча спокойно переночевали у Вана за пазухой.

Ван тяжело вздохнул, бросил рюкзак на кровать и, заперев дверь, направился в комнату Анджелы и Гора.

— Ах он тварь зеленозадая! Ах скотина приبلудная! Тварюка неблагодарная!! — Анджела вопила и грязно ругалась. — Мы его из дерьма выкопали, а он... Воровать! — вампирша сверкала клыками, словно волк в голодную зиму.

Вся троица была расстроена предательством Горгона, но вечно так продолжаться не могло. Поэтому, как только Анджела немного успокоилась, Гор предложил пойти поесть чего-нибудь.

— В конце концов, нам полторы тысячи золотых достались тоже не честным трудом. И грех жаловаться, что какой-то зеленый проныра стащил у нас немножко. Пусть подавится он этим золотом, ей-богу. Чего мы себя травить теперь до конца дней будем? Пойдем, пожуюм чего-нибудь повкуснее. Еда, знаете ли, способствует повышению настроения. И, если кто-то позабыл, я напомню — мы здесь по весьма определенному делу. Так что тратить сейчас время на страдания по нескольким монеткам — не самая умная идея.

— Так уж и нескольким монеткам, — буркнул Ван. — Там было пятьдесят золотых. Но ты прав, Гор. Дело наше важнее любых денег.

Все трое с большим аппетитом позавтракали и, не откладывая дела в долгий ящик, решили осмотреть город. Храма в Аларате не было, но храмовников здесь знали, конечно же, прекрасно. Поэтому Вана и его спутников, несмотря на большую толчею на улицах, ни разу никто не задел. Вокруг сияли витрины, красочные вывески, рекламные плакаты, зазывающие посетителей в ресторан, магазин или лавку. Но больше всего было огромных ярких щитов, на которых изображалась бойцовская Арена. «Великий Турнир» — гласила надпись вверху. «Спешите успеть. Взнос для участников 15 золотых монет. Приз победителю — сто тысяч золотом. Пусть же победит сильнейший!»

Ван как-то странно поглядывал на эти плакаты. И, в конце концов, решительно заявил:

— Я тоже хочу сразиться на этом турнире.

— ЧТО??? — для Анджелы и Гора это было настолько неожиданной новостью, что вся

троица застыла посреди улицы, как вкопанная.

— Я сейчас же пойду и подам заявку на участие.

— Э... ну ладно, — пожала плечами Анджела. — Я, правда, хотела пойти к оружейнику и к портному...

— Ну так идите. Можем встретиться в таверне.

— А я вообще не понял, зачем я иду, — пробухтел Гор. — Иду чего-то, иду с вами. Если ты у портного, как обычно, будешь часа три торчать, дорогая, я этого не вынесу.

— Буду, конечно, — вампирша уперла руки в бока. — А как ты думал? Разве можно это дело на самотек пускать. Там не проследишь за одной пуговкой, и все! Платье испорчено! Легче двести золотых в окно выбросить.

— Сколько?? Да ты из чего платье собралась шить? Целиком из золота, с бриллиантовой инкрустацией? И зачем тебе в пути такое платье?

— Пригодится!

— Да!! Несомненно. Конечно, пригодится. Перед Черным Паладином красотой сиять Или перед Демонологом.

— Фу-уу, ну и вредина же ты, Гор!

— Кто бы говорил, — гном категорично помотал головой и сказал, — Я пойду в таверну. Буду ждать вас там.

Порешив на этом, спутники разошлись в разные стороны.

Гор без происшествий добрался до таверны и, заказав в номер легкое вино и сыр, принялся рыться в своем рюкзаке.

Анджела расспросила у прохожих, где можно найти самого хорошего портного. И, пользуясь подсказками, добралась до шикарнейшего магазина. В широкой стеклянной витрине рядами стояли манекены в женских и мужских платьях прекрасной работы. Тончайшая вышивка, нежное кружево, драгоценная отделка. Вампирша вошла внутрь и принялась разглядывать платья. Она пальчиками поднимала рукав золотисто-бежевого легкого наряда и морщила носик — не нравился цвет. Осматривала со всех сторон черно-золотое одеяние и отворачивалась — слишком вычурно. Таким образом, Анджела быстренько оглядела все, что было представлено, не одоббив ничего — слишком бедно, слишком просто, слишком тесно, слишком вызывающе. Графине сложно было угодить. Поэтому она купила две белые шелковые рубашки и гордо удалилась, окрестив про себя этот магазин «крестьянской лавкой».

Ван в это время добрался до городской Арены. Она была поистине огромна. Восемь входов, по два с каждой стороны. Арена могла бы вместить в себя громадное количество людей. Вокруг толпился народ. Четвертый расспросил, что нужно сделать, чтобы подать заявку на участие в Турнире. Ему указали на большую очередь, стоящую к столам регистрации. Ван тяжело вздохнул и пристроился в конец очереди. Кого здесь только не было. И тяжелые доспешные рыцари, и верткие жилистые фехтовальщики, были и просто огромные детины, выдавшие в своей жизни лишь схватки деревенских силачей. Все стояли здесь с одинаковым желанием — поскорее заплатить пятнадцать золотых и назвать свое имя. И тогда, после отборочных туров, через три дня на арену выйдут лучшие из лучших. Но только одному из них достанется приз. Страшная сумма в сто тысяч золотом.

Лишь ближе к вечеру вконец осатаневший Ван грохнул о стол пятнадцатью золотыми и почти угрожающе проговорил:

— Мое имя Ван.

Регистратор спокойно принял деньги и, взглянув на подателя, записал: «Мастер Ван. Воин Четвертого ранга Храма Тысячи Бликов».

— Ждем вас через три дня на Великом Турнире, мастер. Через отборочный тур вам проходить не обязательно.

— Еще бы... — буркнул уставший едва ли не до полусмерти храмовник и отправился в таверну — СПАТЬ! Ван был расстроен до невозможности. Смертельно долгое ожидание жара и духота. Но более всего на настроение Четвертого повлиял один человек. Он стоял в той же очереди, что и сам Ван, только гораздо ближе к хвосту. Храмовник заметил его только тогда, когда пробирался к выходу из Арены. Человек ничего не сказал Четвертому, не взглянул на него, он, кажется, даже не заметил Вана. Но Четвертый понял, что Великого Турнира ему не выиграть. Потому что этот человек в очереди носил красную юбку Пятого.

Юная вампирша, выйдя из магазина портного, отправилась бродить по самым дорогим торговым кварталам города. Она зашла в ювелирный магазинчик, к сапожнику, даже в книжную лавку. И, в конце концов, совершенно случайно наткнулась на то, что ей было нужно. Эльфийский оружейник. Тонко тинькнул колокольчик над дверью, и Анджелу окутала ароматная прохлада эльфийского магазина. Как же здесь было хорошо! Глаза разбегались от красоты и изящества выставленных товаров. Все стены от пола до потолка увешаны самым разнообразным оружием. В одном углу были представлены короткие мечи, в другом длинные, там луки, здесь топоры. Все эти великолепные вещи можно было объединить лишь по двум признакам — мастерству исполнения и запредельным ценам.

Вампирша, раскрыв рот, глазела по сторонам. За чудесными товарами она даже не сразу заметила хозяина. Эльф сидел за высокой стойкой и читал книжку. Высокий, тонкий, светловолосый, как все из этой длинноухой братии. Немного бледное лицо, большие светлые глаза, хрупкое телосложение. Анджела не слишком любила общаться с эльфами. Их чопорность и заиканность на манерах выводили ее из себя. Конечно, вампирша тоже обожала всяческие церемонии и реверансы. Но ведь всему должна быть мера! И свое место. Анджела, к примеру, считала, что с торговцами на базарной площади не стоит общаться как с дворянами на светском рауте. А вот эльфы, видимо, были с ней не согласны. Они везде и всегда изъяснялись в придворном тоне. И к тому же это извечное эльфийское «фи» по отношению к смертным так же не слишком способствовало сближению рас.

Именно поэтому наверное эльфийский магазин был пуст и тих в отличие от соседних, в которых толпился народ, звенело золото и шла бурная торговля. Хотя на самом деле не похоже было, что эльф особенно страдал от одиночества. Видимо, сидел он здесь вовсе не ради денег. Может быть ради удовольствия, а может и просто, чтобы скоротать время. Кое-где на товарах вампирша видела прикрепленные красные кусочки пергамента с надписью «ПРОДАНО». В основном это были луки. Чудесной тонкой работы, с резьбой, костяными накладками и филигранными рисунками. Такое оружие стоило безумных денег, и Анджела с удивлением смотрела на красные пометки о продаже. «Вот бы взглянуть на того счастливчика, который стал хозяином такой красоты», — вампирша вздохнула и оглянулась на тот участок стены, где было развешено дробящее оружие. Там девушка давно уже заметила тонкую изящную булаву. Это даже было больше похоже на дубинку. Вампирша осторожно сняла оружие со стены и поразилась его легкости. Рукоять так удобно лежала в ладони, что было почти невозможно оторвать от нее руку. Анджела попробовала взмахнуть дубинкой и поняла, что ее старое оружие можно прямо сейчас смело выбросить в мусорную кучу. Оно ни в какое сравнение не шло с эльфийским.

Девушка взглянула на эльфа и тихонько кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание продавца. Но тот, казалось, забыл обо всем, кроме своей книги. Анджела помялась с ноги на ногу, подошла чуть ближе и нетерпеливо потопала носком сапога по полу. Никакой реакции. Светлые глаза так же ровно перебегают со строки на строку. Вампирша насупилась и подошла вплотную к прилавку.

— Послушайте, почтенный. Если вы взялись продавать, то продавайте. А если взялись читать, то читайте.

Эльф невозмутимо перевернул страницу и, не удостоив вампиршу взглядом, в тон ей ответил:

— Взялись покупать — покупайте.

Анджела брякнула эльфийскую булаву на стол.

— Сколько вы хотите за это оружие?

Продавец даже не взглянул на булаву.

— Шестьсот золотых.

У Анджелы запершило в горле. Шестьсот золотых. Она знала, что цены на эльфийское оружие очень высокие, но это — чистой воды грабеж. Шестьсот золотых. Да на эти деньги можно столько всего закупить...

— А подешевле нельзя? — Анджела спросила просто так, для порядка. Она заранее знала, что эльф даже не ответит. Так оно и вышло. Торговец снова перевернул страничку и углубился в чтение, не обращая ровно никакого внимания на огорченную вампиршу.

Что было делать? Анджела оттащила булаву обратно на стенку и вышла на улицу, не забыв на пороге ругнуть торговца «скрягой» и «жилой», прекрасно зная, что эльф услышит.

Настроение резко упало. Булава очень понравилась Анджеле, но с эльфами, как известно, лучше не шутить. Не зря на столе перед торговцем лежал узкий отсвечивающий лунным серебром метательный нож. Тихонько так лежал, ненавязчиво, будто невзначай забытый. Но Анджела прекрасно знала, чего стоит такой ножичек в тонкой и хрупкой с виду эльфийской руке. Нет, с эльфами ссориться нельзя было ни под каким предлогом. Этому Анджелу всегда учил отец. Храмовники, маги и эльфы. Вот три неприкосновенных столпа, на которых держалась политика Империи.

Вампирша тяжело вздохнула и завернула за угол. Прямо над ней ветер качнул вывеску «Оружейник».

«О, еще один, — подумала вампирша, — ну давайте, зайду к вам. Может, здесь повезет больше. Хотя... Сомневаюсь». Анджела толкнула дверь и вошла внутрь.

Этот магазин не был таким шикарным, как предыдущий. Стеклянная витрина присутствовала, но оказалась раза в три меньше. И само помещение из-за этого становилось темнее и сумрачнее. В углах таились тени, а на стенах таинственно поблескивало оружие. Было оно намного проще эльфийского, но все же гораздо лучше той булавы, что висела у пояса вампирши.

Едва девушка вошла в магазин, навстречу ей из какой-то невидимой двери вышел торговец. Это был гном. Как все гномы, жилистый и носатый.

— Приветствую вас, леди. Что желаете?

— Желаю что-нибудь хорошее за четыреста монет золотом. — Анджела злобно улыбнулась, выставив на свет божий беспощадно хищные клыки.

Гном вздрогнул. Он как-то странно посмотрел на вампиршу. Не испуганно, не рассерженно. Просто очень значительно посмотрел, понимающе.

— Одну секунду, миледи, — сказал он. — Четыреста золотых — очень крупная сумма. Мне необходимо посоветоваться с хозяином.

— Я думала, хозяин — ты.

— Нет, миледи, я только управляющий. Прошу вас, подождите немного.

Анджела кивнула, и гном скрылся за дверью. Вампирша тут же задумалась над тем, чтобы смыться отсюда поскорее. Слишком жива была в памяти картина лезущих в дверь мужиков с дрекольем наперевес и орущих «Бей поганых кровососов!».

«Не нужно было так скалиться на этого гнома. Теперь еще приведет своих дружков, и утыкают меня арбалетными болтами, как ежиху. Удрать бы. Точно — надо удрать».

Но едва только эта мысль оформилась в четкое решение, и Анджела сделала шаг к двери, за спиной девушки раздался легкий шорох. Она резко обернулась, готовясь к самому худшему, и вдруг замерла. Перед ней, миновав каким-то образом расстояние от невидимой хозяйской двери и высокий прилавок, стоял высокий широкоплечий мужчина. Черная одежда его: тонкая шелковая рубашка, штаны и сапоги, — все было вызывающе простым, но шилось, вероятно, на заказ у самых лучших мастеров. Длинные черные волосы, бледное аристократичное лицо с тонкими чертами, серые глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он несколько мгновений в упор смотрел на Анджелу, которая немного растерялась, не представляя, чего можно ожидать от этого странного человека. Он просто сбил девушку с толку. Никогда еще люди так не смотрели на нее. В этом взгляде была какая-то непонятная смесь тоски и радости. Будто бы он очень-очень рад был видеть Анджелу, но не хотел этого показать. Но почему, девушка не могла даже представить. Поэтому она вежливо поклонилась в ответ на его учтивый поклон и осторожно спросила:

— Вы хозяин этого чудесного магазина?

— Я. А ты находишь его чудесным? — мужчина улыбнулся.

И тогда Анджела поняла все.

Между красиво очерченными немного бледными губами мелькнули клыки, едва ли не вдвое длиннее, чем у самой Анджелы. Вампир. Она вздрогнула и улыбнулась в ответ, немного наивно, по-детски выставив острые зубки. Этому вампиру было уже далеко за сто. Взрослый, сильный, он внушал малявке-Анджеле чувство благоговения и преклонения перед его могуществом, скрытым до поры, но и не требующим никаких демонстраций.

Девчонка пролепетала что-то вроде «какая приятная неожиданность». Вампир еще немного поглядел на смущенную Анджелу и спросил:

— Что ты хочешь купить?

Анджела довольно быстро оправилась от удивления и ответила, что ей бы нужно что-нибудь получше «вот этого», — девушка протянула вампиру свою булаву. Он покрутил оружие в руках и положил на прилавок.

— Это не годится для тебя. Подожди минуту, — сказав это, вампир вышел из комнаты. Прямо сквозь стену.

Его не было ровно минуту. Вернувшись, вампир подал Анджеле оружие. Девушка взглянула и ахнула. Это была та самая дубинка, которая так приглянулась ей в эльфийском магазине.

— Но...

— Это самое лучшее, что я могу тебе предложить, — вампир взял старую булаву Анджелы и швырнул ее куда-то в угол за прилавок. — Двести золотых.

— Двести? — глаза Анджелы стали похожи на два желтых блюдца. Она понимала сейчас, что вампир просто купил эту дубинку у эльфа. Для нее. Купил за шестьсот золотых. А Анджеле отдает ее за двести. Это очень щедрый подарок. Очень.

Девчонка замялась, подавая ему мешочек со своими несчастными двустами монетами. Но вампир так уверенно забрал у нее деньги, что Анджела поняла — это действительно подарок.

— Я не знаю, смогу ли я отблагодарить тебя чем-то... — робко начала она. Вампир

мягко улыбнулся ей.

— Сможешь. Просто не задерживайся в этом городе надолго. Уезжай.

— Но... Почему?

— Потому что здесь не любят вампиров. И еще: ты окажешь мне огромную услугу, если не будешь улыбаться на всех подряд. Нельзя этого делать, дурочка. Тебя же убьют как-нибудь за это. Торпор — это не та вещь, которую стоит пробовать на себе.

— Просто у меня очень важное задание.

— Поскорее заканчивай свои дела и уезжай.

— Хорошо. Но когда-нибудь я обязательно отплачу тебе за эту услугу.

— Когда-нибудь, — согласился вампир и улыбнулся девчонке.

— Когда чуть подрастешь... — добавил он в пустоту после того, как дверь за молодой вампиршей закрылась. — Ты главное выживи, малявка.

Анджела вернулась в таверну сияющая. Войдя в комнату, она увидела спутников. Злой Ван лежал на кровати и жаловался на судьбу. Ярko и образно разъясняя Гору, что пятый ранг — самая ненужная вещь на свете. Тем более, когда сам ты — Четвертый.

— Ну вот ты подумай, Гор, зачем он явился на этот турнир? Какой бес его принес, этого Пятого? — надувшись, бухтел храмовник. — Без него, наверное, никак не обошлось бы. А я выбросил на ветер пятнадцать золотых. И куда только Богиня смотрит...

Гор молчал, периодически цокая языком и хмыкая. Гном был идеальным слушателем. Он никогда ничего не говорил, но не забывал время от времени вставлять междометия и сочувственные восклицания. Вот и сейчас Гор сидел на полу и, слушая храмовника, что-то мастерил.

— Ать, демон! Ать, супостат! — задумчиво откликнулся гном на слова Вана о Пятом. Долгие три года, проведенные рядом с экспрессивной Анджелой, научили Гора искусству слушать. И снабдили его словарный запас целой сворой слов-паразитов и ничего не значащих междометий: «ага», «угу», «ох ты», «право слово», «ей-богу» и прочее и прочее, и многое другое.

— Всем привет, — радостно воскликнула вампирша и тут же сунулась к гному, — ты чего это делаешь?

А гном действительно занимался чем-то странным. Он раскрыл свой объемистый рюкзак и, выпотрошив его, разложил перед собой все свои вещи. Здесь был арбалет, куча разноразмерных шурупчиков и гвоздиков, всевозможные пилочки, отверточки и молоточки. Гор все это тщательно рассортировал по кучкам и теперь, что-то подпиливая, подкручивая и приверчивая, соединял в одно целое... арбалет и складную табуретку. Анджела взглянула и опешила.

— Ты чего это, Гор? Зачем табуретку-то испортил? На ней ведь еще сидеть можно.

— Ничего я не испортил, много ты понимаешь, ей-богу, мастер нашелся. Все тут верно должно быть. Не мешай.

— Ну и пожалуйста. Только не проси меня показать тебе эльфийскую булаву, которую я себе купила.

Гор фыркнул:

— Да ладно тебе... Купила она эльфийскую булаву. Это где ж таких деньжищ набраться, скажи пожалста? Чтоб булавы у эльфов каждый день покупать.

— Ты чего это, не веришь что ли? Да купила я!!

Гор покачал головой, всем видом показывая, что не верит.

— Сил моих дамских больше нету разговаривать с тобой!! — воскликнула вампирша и брякнула на коленки Гору обновку.

Ван утешился только на следующее утро, когда вспомнил о своем новом мече. Позавтракав, он осторожно вынул оружие из рюкзака, размотал рубашку, в которую был завернут меч, и подставил клинок под луч солнца. Ослепительным блеском засверкала узорчатая сталь. Тонкие прожилки ее были подобны резьбе. А отливы металла ярки, словно само солнце. Этому мечу не нужны были украшения. Лишь один небольшой рубин сверкал на рукояти кровавой каплей.

Четвертый все утро пропрыгал на заднем дворе таверны, тренируясь и заодно опробуя новый меч. Лицо Вана сияло радостью. Никогда в жизни он не держал в руках ничего подобного. Необыкновенная легкость, послушность клинка грела душу храмовника, словно яркий живой костер. Меч этот как будто помогал хозяину, сам оказываясь именно в том месте и в то время, которое нужно было Четвертому.

Храмовник внимательно осмотрел клинок со всех сторон, пытаясь отыскать метку мастера, сделавшего это чудесное оружие. Но как он ни старался, найти ничего так и не смог. «Кто же сделал тебя, мой стальной друг»? — думал Ван, любуясь переливами клинка. Поразмыслив еще несколько минут, Четвертый вдруг вспомнил, что давным-давно слышал о том, что очень известные и искусные оружейники вовсе не ставят клейма на свои творения. Их рука и их мастерство узнается и без всяких отметок. Ван хмыкнул и, не откладывая дела в долгий ящик, отправился к ближайшему кузнецу.

В кузнице парило и грохотало. Звон молотов и молоточков, шум раздувающихся мехов, гул пламени, грозные окрики старшего кузнеца, изредка звуки затрепанных и тоненький скулеж.

Ван вошел и огляделся по сторонам. Работа здесь кипела вовсю. Огромного роста кузнец стоял у наковальни рядом с двумя подмастерьями. Он звонко надстукивал молоточком по лежащему куску металла, а подмастерья вслед за ним ухали по тому же месту здоровенными молотами.

Увидев Четвертого, кузнец прервал работу. Он знаком приказал подмастерьям продолжать, а сам, положив молоток, подошел к гостю.

— Приветствую, мастер. Чем обязан? — густой бас кузнеца колоколом гудел в маленькой кузне.

— Здравствуй, хозяин. Да, видишь ли, есть у меня к тебе дело. Очень простое.

— Ну раз простое, то и откладывать нечего. Что за дело?

Ван раскрыл клинок и на ладонях протянул его кузнецу.

— Взгляни-ка. Сможешь сказать, кто его сковал?

Кузнец принял меч, мельком взглянул на сталь клинка, на рукоять, и лицо его, заросшее, словно кустом, широкой бородой, осветилось радостной улыбкой. Он вертел меч в руках, то так, то этак поворачивая его к свету, любуясь игрой отливов на металле. А потом вернул его Четвертому и вздохнул:

— Да-аа... Никогда не думал, что снова увижу один из них.

— Один из мечей этого оружейника?

— Да. И не просто мечей. Это особый меч, мастер. Если ты его хозяин, тебе очень повезло. Просто так такие мечи не даются в руки.

— Как это так?

— Видишь ли, мастер, это один из семи мечей Шиоксина. Пятый Меч.

У Вана едва не подкосились ноги.

Храмовник судорожно вздохнул и, оправившись от нахлынувших на него разом чувств, еще раз взглянул на меч. Простенький с виду, без претензий на изысканность, он был намного скромнее, чем Вану приходилось видеть. Но теперь Четвертый СОВСЕМ по другому смотрел на этот клинок. Каждый воин Храма Тысячи Бликов знал эту легенду.

Шиоксин, искусный оружейник, много лет назад сковал семь мечей. Семь — любимое число Богини. Меч — знак воина Храма. Семь рангов в Храме Тысячи Бликов, почитающем

Богиню. Первый — белый, ему посвятил Шиоксин меч с молочно белой жемчужиной в рукояти. Второй — желтый, для него был меч с солнечно лучистым топазом. Третий — коричневый, обрел клинок с коричневым словно шоколад, пархитом. Четвертый — оранжевый, ему ковался меч с драгоценным рыжим мидалом. Пятый — красный, отразился в клинке с кровавым рубином. Шестой — зеленый, явил себя в мече с зеленым, словно трава, изумрудом. Седьмой — синий, получил меч с голубым сапфиром.

Все свое умение, все мастерство и всю любовь вложил Шиоксин в эти мечи. Каждую минуту, посвященную работе над клинками, думал он о величии и о славе Богини.

И Богиня обратила свой взор на оружейника. Не зря говорят, что Она никогда не забывает славящих ее и не оставляет их своей милостью. За каждый меч старик Шиоксин получил еще один год жизни. И того семь лет. А это самое драгоценное, чем только можно наградить.

А мечи, обретшие ее особое благословение, разошлись по миру и с тех пор принадлежали лишь самым лучшим воинам Храма. Лишь тем, кого Она считала достойным служить ей. Через них в мир шла ее воля.

Ван вспомнил, что у достопочтенного Канимуру был Шестой меч Шиоксина, с зеленым, словно глаз тигра, изумрудом на рукояти. А теперь у него, у Вана, был Пятый меч. Сама судьба свидетельствует о том, что четвертый ранг — не предел для Вана.

Все это пронеслось в одно мгновение перед мысленным взором храмовника. Юноша моргнул и стал заматывать клинок в ткань. Он подумал, что можно было бы и поблагодарить Анджелу за отсутствие принципов. Если бы она не обшарила тогда мертвого Неда, никогда бы не попал меч Шиоксина в руки мастера Вана.

Храмовник поблагодарил кузнеца и, попросившись, вышел на улицу. Свежий пахучий ветер взметнул рыжие волосы Четвертого. Мастер Ван стоял посреди улицы, закрыв глаза и сжимая в руках священный меч. Люди осторожно обходили застывшего храмовника. Ван был счастлив.

В следующие два дня, оставшиеся до Великого Турнира, путешественники отдыхали и гуляли по городу. Как жаль, что здесь не было Храма! Ведь если бы это было так, Светлейший Укео (еще никто о нем не забыл?) непременно остановился бы там. Но теперь на все расспросы о нем люди только пожимали плечами. Слишком пестрая толпа, слишком много приезжих воинов, рыцарей, солдат, наемников. Да и храмовников немало. А синяя юбка... Может, и была, да разве ж успеешь за ней уследить в такой кутерьме?

В конце концов, Анджела начала злиться и сказала, что легче всего будет увидеть Укео на Турнире. Если он подал заявку на участие. А если они и на турнире его не найдут, значит, Светлейшего просто НЕТ в городе.

На том и порешили.

И вот великий день настал. С самого утра везде ревели трубы, а толпа, запрудив улицы, текла к Арене. Ни один уважающий себя человек не остался дома. Магазины и лавки закрывались — хозяева спешили на Великий Турнир.

Многие занимали места на Арене со вчерашнего вечера и теперь могли с полным правом наслаждаться зрелищем во всей его красе. А посмотреть действительно было на что. Разноцветные флаги и вымпелы, ленты и бумажные цветы. Горожане, от самых знатных до самых бедных, разряженные в пух и прах, сами были похожи на цветы. Каждый надел все самое лучшее, что было. Многие ради такого праздника даже вымыли шею и уши. Нарядные, накрахмаленные, взбрызнутые духами стайки девушек хихикали в букетики цветов и стреляли глазками по сторонам. Торговки надрывались, наперебой расхваливая свои леденцы, орехи, пирожки с зайчатинной и холодный квас. По четырем углам Арены высились башни с широкими выходами на поле боя. Именно туда, в одну из этих башен и нужно было пройти Вану. Внутри собирались участники Турнира. Троица, протиснувшись сквозь толпу, добралась наконец-таки до башни. Путники вошли внутрь. Это было светлое, очень просторное помещение. Вдоль стен стояли широкие лавки, на которых и размещались воины. Некоторые сидели спокойно, подтачивая оружие или проверяя доспехи. Многие волновались, грызли ногти или метались туда-сюда. Некоторые разминались. Благо пространство позволяло. Ван с некоторой тревогой наблюдал за двумя участниками, прикидывая свои шансы против них на Арене. Один из них был здоровенный громила двух с лишним метров роста. В руках он держал... Ван даже затруднялся назвать ЭТО мечом. Больше всего оружие напоминало железнодорожный рельс. Храмовник, косясь на чудовищный меч, подумал, что, если ему придется сразиться с этим воином, то ставки делать нужно будет исключительно на собственную ловкость.

«Главное, чтобы эта штукавина по мне не попала. Потому что, если попадет... В общем, Пятым я тогда не стану».

Второй участник состязания волновал храмовника гораздо больше. Это был эльф. Высокий, гибкий, очень ловкий и верткий. Светлые волосы его были заплетены в косу, чтобы не мешали, а в руках он держал саблю. Оружие холодной рыбкой мелькало в руках эльфа, выписывая сложнейшие фигуры. Эльф разогревался тем, что подбрасывал вверх тончайшие газовые шарфики и на лету кромсал их в мелкие кусочки.

Ван как фехтовальщик восхитился его техникой работы клинком. Он понимал, что с этим бойцом справиться будет не просто очень сложно — практически невозможно. Эльф действительно прекрасно владел оружием.

Но в этот момент в комнату забежал небольшого роста человечек со знаком распорядителя на груди и начал объяснять основные правила Турнира. Выяснилось, что все те, кто находится в одной башне, друг с другом сражаться не будут. Бойцов станут вызывать из разных углов Арены. Ван облегченно вздохнул, — ему не придется встречаться ни с громилой и его чудовищным рельсом, ни с этим прыгучим эльфом. Но зато где-то там, в одной из трех остальных башен сидел сейчас Пятый, выиграть у которого Вану не стоило даже мечтать.

Распорядитель объявил пятиминутную готовность и исчез. Турнир должен был начаться

буквально через несколько минут. Анджела и Гор выбрались из башни и отправились в специально приготовленную для них ложу — для друзей и спутников участников Турнира.

Едва только Анджела успела оправить платье, как со всех сторон взревели трубы, и распорядитель со своего комментаторского возвышения неожиданно могучим и раскатистым голосом возвестил о начале Великого Турнира. Каждому человеку было прекрасно известно, что главный приз победителю составит безумная сумма в сто тысяч золотых, но когда распорядитель завывая в ораторском экстазе, объявил об этом официально, толпа взорвалась восторженным ревом. Никогда еще не ставилась на кон столь крупная сумма.

— И-и-и пер-р-р-рвыми на Ар-р-р-рену выходят... Гюнтер Вортон, барон Луанский!! И-и-и Рэдрик Торн, вольный наёмник!!

Пары выходили одна за другой, сверкало оружие, изредка лилась кровь, толпа выла и стонала. Вана всё не вызывали. Видимо, его как храмовника — одного из сильнейших бойцов — оставили напоследок. Анджела умирала от нетерпения и волнения. Она в изнеможении оперлась о широкие перила балкончика и всё ждала, когда же распорядитель назовет имя мастера Вана. Там, в башне осталось уже всего трое — Ван, громила с рельсом и эльф с шарфиками. Ну когда же?

— На Ар-р-рену выходит... Парсан Коваш из деревни Малые Зебеня!!!

На ристалище вышел, легко помахивая своим здоровенным мечом, тот самый громила из башни Вана.

— А ср-р-разится с ним... Парамон Пекар из села Верхние Кресты!!!

Навстречу ему вышел с противоположного конца Арены еще один богатырь. Был он ростом поменьше и чуть поуже в плечах, а в руках держал здоровенный боевой топор.

И сошлись они посреди поля, словно тучи в бурю. Треск и звон стоял такой, что передние ряды зрителей зажимали уши и в страхе закрывали глаза. Эти великаны лупили друг друга с такой силой, что нормальному человеку хватило бы для бесславной гибели одного удара в полсилы. Сталь гудела и выла, словно стая взбесившихся привидений. С лязгом и гулом блокировали они такие удары, которые не под силу было бы заблокировать и троим людям. Но все же через несколько минут Парамон из Верхних Крестов начал заметно выдыхаться. Он с трудом отбивал атаки и даже пропустил пару ударов. Могучий Парсан бил плашмя, и оттого по всей Арене раздавался ужасающий гул. В конце концов, богатырь Коваш прижал своего более мелкого противника к стене, и тот сдался. Потрясая своим рельсом, Парсан заревел словно бык, и толпа ответила победителю многоголосым воем.

А дальше головы у зрителей закружились. На Арену одни за другими выходили фантастические бойцы. Казалось бы владеть оружием ТАК было просто выше человеческих сил. Но с каждым разом бойцы превосходили предыдущих по мастерству и тонкости владения клинком.

Сразу же после битвы двух сельских великанов на ристалище вышел мастер Ван. Анджела запрыгала и завизжала так, что люди, сидевшие в ложе, едва не бросились от нее врассыпную. Один лишь Гор остался неподвижным, словно был высечен из камня. Он впился глазами в противника Вана — рослого широкоплечего бойца с длинным мечом в руке. Он был намного выше храмовника и гораздо мощнее. Но Четвертый оказался гораздо более ловким и подвижным. А уж о мастерстве владения оружием и говорить не приходилось. Ван сделал пробный удар. Просто подошел и ткнул мечом в сторону противника... И удар прошел. Тогда Четвертый без всяких затей, как-то очень легко

скользнул вправо и наметил еще один удар сбоку, и еще сзади, у самой шеи.

Победа была безоговорочной и пока что самой легкой из всех.

А дальше посыпались чудеса.

На арену вышел Пятый в красной юбке. Ван, уже успевший добраться до своей ложи и усевшийся рядом с Анджелой, хмуро наблюдал за ним.

— А ср-р-разится с ним... — орал комментатор, — Эльнар Шестирукий!!!!

Ван вздрогнул. Это было имя того самого эльфа с саблей и газовыми шарфиками. «Н-ну! Эльфийская морда, не подкачай! — думал храмовник, — наваляй этому Пятому, дай мне шанс победить в турнире». Почему-то Ван, в данную минуту воспринимал как противника только Пятого. Он даже не задумывался, что если Эльнар Шестирукий победит Пятого, то с ним — с Шестируким — тоже придется сражаться. Но сейчас Ван не думал ни о чем, и не желал ничего, кроме того, чтобы увидеть победу эльфа. И он ее увидел. Как ни ловок, как ни быстр был Пятый, эльф все же оказался несравненно более ловким и быстрым. Их бой длился довольно долго. Но лишь из-за того, что Шестирукий хотел во всей красе показать свое искусство. И народ отвечал ему оглушительными аплодисментами.

Когда эта пара удалилась, комментатор вызвал на Арену какого-то совсем уж невообразимого, троллеподобного бойца. Анджела даже имени его не смогла разобрать. Был он огромен, как гора, и черен, словно шайтан. А ростом мало уступал всаднику на лошади. В руках он держал, как ни странно — меч. Двуручный. Который он, впрочем, использовал, как одноручный.

— А ср-р-р-разится с ним..... - комментатор захлебывался эмоциями, — Кристиан Солэ, Паладин Бэла!!!

Трибуны взвыли.

На Арену, под рев и грохот аплодисментов, торжественным шагом выехал рыцарь на ослепительно белом коне. Толпа приветствовала светлого паладина воинственного бога Бэла. Очень редко приходилось людям видеть паладинов, а уж наслаждаться зрелищем схватки с участием паладина — такая удача может выпасть лишь раз в жизни.

Кристиан спешил и, отправив лошадь обратно в башню, пошел навстречу противнику. Паладин был довольно высоким и могучим, но по сравнению с черным ужасом, который сейчас надвигался на него, слуга Бэла казался просто ребенком. Но все же, несмотря на это, паладин сражался с ним на равных. Сталь звенела о сталь, мечи скрежетали, высекая друг из друга синие искры. Паладин отчаянно смело бросался на противника, радуя своего азартного воинственного бога, но все же черный шайтан был намного больше и сильнее. Он одной лишь массой стал теснить паладина. Слуга Бэла отступал, отмахиваясь и защищаясь.

Но когда в лопатки ему уперлась стена, а в грудь — меч противника, Кристиан (это смогли разглядеть лишь передние ряды зрителей, да еще зоркие эльфы и одна маленькая вампирша в верхней ложе) вдруг поднял голову, взглянул прямо в вытаращенные глаза противника и коротко приказал:

— Брось меч!

Клинок черного шайтана мгновенно упал на песок. Никто ничего не успел подумать, а Кристиан уже обогнул противника и вышел на середину поля. Его громадный партнер, постояв секунду, озадаченно глядя то на пустую ладонь, то на лежащий под ногами меч, подобрал оружие и повернулся к паладину.

— Вот дает! — восторженно воскликнула Анджела. — Это все его паладинские штучки! Я думаю, он победит. Гор, спорим на бублик, что Бэловский прихвостень растопчет эту

гориллу!!

Гор спорить не стал. Анджела надулась, но, тем не менее, оказалась права. Светлый паладин Бэла одержал победу.

Вампирша чувствовала, что проголодалась. Но ее голод мгновенно испарился, едва только комментатор объявил следующую пару.

— И теперь на Ар-р-р-рену выходят... достопочтенная Фиона!! (при этих словах Ван едва не поперхнулся — он понял, что плакали его сто тысяч золотых — Шестого ему не одолеть никогда в этой жизни) И-и-и све-е-етлейшии-ий Укео, из Ханна!!

Вся троица путешественников застыла в своей ложе с отвисшими челюстями. Хотя, они и надеялись найти Укео здесь, но все же это было слишком неожиданно.

И вот на желтый песочек своей обычной, слегка танцующей походочкой вышел, словно василек, сверкая синей юбкой, светлейший Укео. Был он очень молод и очень красив. И как-то слишком уж дико смотрелась на этом мальчишке, повесе и сердцееде, синяя юбка Седьмого, знак высшего ранга воинов Храма Тысячи Бликов. И, словно игрушечная, скромно и ненавязчиво выглядывала из-за плеча рукоять меча.

А лицом к лицу с Укео уже стояла на поле боя невысокая худенькая девушка в зеленой юбке Шестого. Каштановые волосы собраны в хвост, белая рубашка и клинок в руке наотлет. Трибуны замерли, понимая, что такого зрелища, как битва двух высших рангов Храма Тысячи Бликов, им не увидеть больше никогда. Люди боялись пропустить хоть одно движение, хоть легкий намек. А двое посреди поля стояли друг напротив друга, словно забыв о многотысячной толпе, которая боялась даже дышать, до рези в глазах всматриваясь в их неподвижность. Воины изучали друг друга, хотя ни у одного из этих двоих не было даже сомнения в том, кто победит.

И вот в какой-то миг, в какой именно, не заметил никто, кроме мастера Вана, Шестая и Седьмой сорвались с места. Одновременно, стремительно, словно листья, гонимые порывами сильного ветра, закружились они один вокруг другого. Нестерпимо сверкала сталь клинков. Пятна синего и зеленого смазались в нечеткие полосы, переплетаясь и кружась. Песок скрипел под ботинками сражающихся. Ловкие, словно кошки. Быстрые, как хорьки.

Трибуны не успевали рассмотреть и половины ударов, которые наносили эти двое друг другу.

И так же непонятно и неожиданно для большинства людей, но очевидно и вполне ожидаемо для мастера Вана, бой закончился. Укео стоял неподвижно, словно каменный идол, даже дыхание его, казалось, не сбилось. Меч его, тускло поблескивая сталью, дрожал у самого горла Фионы, тяжело дышавшей и опустившей свое оружие.

И только через несколько секунд толпа осознала, что бой, собственно, закончен. И тогда Арену накрыли оглушительные вопли. Люди бесновались, лезли друг на друга, радуясь, что пришлось им наслаждаться таким небывалым по своей редкости и красоте зрелищем. И снова лишь мастер Ван увидел, как Фиона опустилась на одно колено перед светлейшим Укео. Четвертый не слышал слов достопочтенной Фионы, но угадал их смысл, с дрожью узнавая ритуальные действия, которые совершала девушка. Она сейчас, не обращая внимания на эту многотысячную толпу, приносила Укео Третью Клятву. Страшная Клятва абсолютного подчинения. При дурном раскладе она могла превратиться в рабство. А при хорошем... всем храмовникам Ханна было известно, что достопочтенный Канимуру много лет назад принес Третью Клятву светлейшему Истарниу. Они были почти друзьями. Клятва обязывала одну сторону к полному и беспрекословному подчинению, а вторую к защите и

опеке первой. Теперь, если кто-нибудь когда-нибудь оскорбит, ранит или убьет Фиону, Укео, связанный с ней Третьей Клятвой, отомстит за нее. А с этим молодым Седьмым, как известно, лучше было не связываться.

Вот и закончился первый день Великого Турнира. Завтра на этом же месте должны были встретиться сегодняшние победители, и выяснить, наконец, кто же из них достоин ста тысяч золотых. А сегодня все начали расходиться. Команда, сидевшая в своей ложе, потеряла Укео из виду, когда Седьмой ушел с песка Арены, уводя за собой Фиону.

— Что делать будем? Мы его потеряем, — сказала Анджела, активно работая локтями в густой толпе, стремящейся к выходу.

— Я не знаю, здесь восемь выходов, а Арена огромная... — Ван сокрушенно качал головой, пробираясь вслед за вампиршей.

— Давайте поделимся и встанем снаружи на углах Арены. Так мы будем видеть хотя бы шесть выходов.

— Ну давайте, а что еще делать?

Маленький отряд выбрался на улицу и разделился. Довольно долго всматривались они в толпу, вертя головами направо и налево. Каждый из них старался не пропустить заветную синюю юбку. Ведь если это случится, то они могут потерять Укео совсем. Кто знает, может быть, его уже ждет оседланная лошадь, чтобы везти беспутного сына светлейшего Истарниу в темную неизвестность? Поэтому Ван так боялся упустить Седьмого именно сейчас. Будучи невысокого роста, храмовник даже изредка подпрыгивал, стараясь разглядеть Укео поверх голов.

И вот в один из моментов старания Четвертого были вознаграждены. Он увидел Укео, который вышел из ворот Арены под руку с Фионой.

И только теперь Ван понял, что не знает, что делать дальше. Лишь секунду назад ему казалось самым важным увидеть Укео. А теперь, когда Седьмой приближался, еще не замечая Четвертого, Ван колебался. В душе воина тут же ожили все сомнения и подозрения. Тот ли это Укео, которого Ван знал уже много лет? А вдруг Анджела права, и кто-то (или что-то) управляет Седьмым? Тогда решительно все становилось непонятным. Чего хочет теперь Укео, к чему стремится? Узнает ли он Вана? А если узнает, то не кинется ли на бывшего друга с мечом?

Все эти страшные мысли в один миг пронеслись в голове храмовника, и Ван отступил назад, скрывшись за деревом. Он решил не окликать друга, не выходить ему навстречу. Ван решил, что просто пойдет за ним. Другими словами, проследит.

Толпа, вытекая из ворот Арены, расползалась по улицам. Ван стоял за деревом, затаив дыхание. И вот Укео с Фионой прошли мимо, не заметив Четвертого. Ван услышал такой знакомый, такой близкий голос друга. Это были его, Укео, интонации, его словечки и его немного насмешливый тон. «Как же так? — растерянно думал Ван, — ведь это Укео, действительно он. Его походка, его манера говорить, его жесты и его улыбка...». Ван совсем было решил окликнуть Укео, как вдруг ноги его будто приросли к земле, а язык отсох. Седьмой уходил все дальше, а Ван все смотрел ему вслед, смотрел на его затылок, где, стягивая тяжелые длинные волосы Седьмого, крепился зажим. Ван знал своего друга едва ли не с детства. Укео всегда отдавал дань моде. Всегда одежда его была безупречной. А, как известно, одним из основных правил моды храмовников было однообразие цвета. И Укео всегда соблюдал его. И никогда бы не позволил себе столь вопиющее нарушение.

Никогда Укео, настоящий, истинный Укео не надел бы к синей юбке Седьмого... черного зажима для волос. Черный для Храма — цвет раба. Не подобает Седьмому носить на себе черный цвет. «Это не Укео», — подумал Ван. Лицо Четвертого слегка побледнело, а губы превратились в тонкую полоску. Он решительно тряхнул головой и последовал за светлейшим.

Анджела и Гор безрезультатно простояли у Арены еще около часа. Толпа поредела настолько, что друзья уже видели друг друга, стоя у разных углов огромного здания. А вот Вана Анджела не разглядела и надеялась только на то, что храмовнику посчастливилось встретить Укео. Подождав еще с полчаса до тех пор, пока последние зазевавшиеся зрители не покинули здание, вампирша и гном сошлись в том месте, где должен был стоять Ван.

— Нету... — констатировал факт Гор, оглядываясь вокруг.

— Наверное, Укео вышел с его стороны.

— Если так, то слава Богине.

— Может, пойдем в таверну? Чего торчать здесь?

— Пойдем. Устал я что-то. Сил нет. Поспать бы сейчас.

— Ну так и спи, кто тебе мешает.

Только лишь друзья завалились в таверну, Гор сразу же отправился наверх, в свою комнату, а Анджела уселась в зале за столиком с кувшином вина и сырными гренками. Народу была тьма, и вампирше просто посчастливилось, что для нее нашлось свободное место.

Ждать Анджеле пришлось не слишком долго. Она даже не успела поддеть первую порцию гренков, как в дверь зашел Ван. По лицу храмовника вампирша сразу поняла, что пахнет крупными новостями, и тут же, заказав в номер еще два кувшина вина, бутербродов с рыбой и несколько печенных куропаток, поднялась из-за стола.

Подождав, пока официантка расставит все на столе и выйдет в коридор, Анджела заперла дверь и набросилась на Вана:

— Ну ЧТО???

Храмовник сделал глоток вина и начал рассказывать.

Он шел за Укео и Фионой довольно долго и, в конце концов, они вступили в дворянские кварталы. Здесь было мало людей, поэтому следить за Седьмым стало гораздо сложнее, и Ван вынужден был приотстать. Но, к счастью, вскоре Укео и его спутница свернули к одному из самых красивых и самых богатых домов. Седьмой, поддерживая под руку достопочтенную Фиону, с видом хозяина прошел мимо охраны и скрылся за дверью особняка. Ван некоторое время постоял за углом, наблюдая за домом, но больше ничего не происходило. И тогда Четвертый решился. Он подошел к охране и спросил, здесь ли живет светлейший Укео из Ханна. И храмовнику без заминки ответили, что именно здесь он (светлейший Укео) и живет. А на вопрос о том, кто хозяин этого чудесного особняка, последовал столь же четкий ответ: «Баронесса Беатрис Ливарская».

«И на том спасибо», — подумал Ван, направляясь в таверну.

Рассказывая о том, что ему удалось увидеть и заметить, Ван не забыл и о странном черном зажиме в волосах Укео.

— Это тот самый что ли, который надо светлейшему Истарниу принести? — уточнила Анджела, подцепляя аппетитный бутерброд с вяленой семгой.

— Не знаю, наверное. Меня сейчас другое волнует, Анджела, — задумчиво вертя в руках нож, проговорил Четвертый. — А вдруг ты была права?

— Я всегда права. А ты про какой именно случай?

— Я про то, что Укео — это не совсем наш прежний Укео. Мне кажется, им действительно что-то управляет.

— Тебе тоже так кажется? — Анджела перестала жевать. — Помнишь ту деревню, которая потом сгорела?

— Ну да...

— Таверщик говорил, что Укео, как тузик грелку, порвал там целую кучу народа.

— Помню. Конечно, помню. Укео никогда бы не стал просто так убивать и калечить людей.

— Точно, — вампирша потерла лоб кончиками пальцев, — Он сам не стал бы. Значит, кто-то заставил его сделать это. А кто?

— Ну ты и спросила!! — Ван возмущенно посмотрел на Анджелу. — Я похож на оракула?

— Кого мы видели рядом с ним, вспоминай? Эта самая, с которой он дрался сегодня на Арене... как ее там...

— Достопочтенная Фиона.

— Да. Фиона эта!

— Ну и что? Каким образом достопочтенная Фиона связана с Укео? Я готов поспорить, что они встретились сегодня на Арене впервые.

— Почему это ты готов поспорить?

— Потому что Фиона принесла Укео Третью Клятву прямо на Арене. Помнишь же, что такое Третья Клятва?

— Да, кажется, Укео рассказывал мне... Что-то вроде рабства.

— Вроде того. Полное повиновение. Но не в этом дело. Главное в другом, — Ван от волнения вскочил на ноги и забегал по комнате, размахивая бутербродом. — Если бы Укео и Фиона знали друг друга раньше, я думаю, она принесла бы ему Третью Клятву гораздо раньше. Да и как она может влиять на него, если их связывает эта клятва?

— Что? Никак?

— Никак.

— Ну ладно. — Анджела вонзила зубки в печеную куропатку и, прожевав, продолжила, — Ну тогда эта маркиза, которая...

— Баронесса Ливарская. Я не знаю, Анджела. Первый раз сегодня я услышал это имя. Да я вообще в этом городе никого не знаю. Мы, конечно, можем попытаться узнать, кто такая эта баронесса. Только что нам это даст? Мы услышим только то, что она захочет, чтобы мы услышали. Неужели ты думаешь, что в первой же таверне нам скажут: «А! Баронесса Беатрис Ливарская, та самая, что пудрит мозги светлейшему Укео, заставляя его убивать мирных граждан направо и налево»?

— Да! Я похожа на дуру!! — вампирша злобно взглянула на храмовника, — Поэтому именно так я сейчас и думаю.

— Ну ладно, не злись. Просто я никак не могу разобраться во всем этом. Все слишком запутано.

— Ладно, забыли. Ван, ты исправь меня, если я ошибаюсь: ведь чтобы управлять кем-то, нужно постоянно быть рядом, так?

— Ну, вроде бы, да.

— А если никого рядом нет, то, может быть, это не живое существо, а предмет... ну не знаю...

— ЗАЖИМ!!

— Зажим?

— Анджела, как же это просто!! Кто-то однажды обманом или силой заставил Укео надеть этот странный зажим для волос, и с помощью него управляет теперь светлейшим.

— Я об этом не подумала... — вампирша нахмурилась. — И что теперь делать?

— Надо подумать, — отозвался Ван, ложась на кровать и закидывая руки за голову.

— По-моему, нужно пойти к нему.

— Но это может быть очень опасно...

— Ты ведь помнишь приказ светлейшего Истарниу? — Анджела хитро сощурилась.

— Да. Помню, конечно. Нужно пойти, — быстро согласился Четвертый. — Будь что будет. Пойдем. Но только вот, я думаю, нас не особо там ждут. Баронесса эта еще... Кто ее знает, может она нас вышвырнет...

— Ты что, Ван? Какая-то вшивая баронесса? Ты помни, пожалуйста, что я все же не крестьянского рода.

— Ах, да. Графиня.

— Оо-ой! Вспомнил, ты посмотри. Естественно графиня. А теперь скажи, посмеет ли какая-нибудь из баронесс вышвырнуть из дома графиню? А?

— Наверное, нет. Но кто нам поверит? У тебя на лбу не написано, что ты — графиня. Нам нужно, чтобы поверили слуги, понимаешь. Надо пройти в дом без проблем и попробовать добраться до Укео.

Несколько минут оба молчали, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— А где Гор? — Ван оглянулся.

— Да спит он в вашей комнате.

— Ясно. Вот уж кому горя мало...

Анджела, все это время разглядывавшая свое мрачно-шикарное платье, вдруг задумчиво сказала, — Спит... Слушай, Ван, а ведь нам всего-то и нужно, что последовать примеру этих загадочных товарищей, которые управляют нашим Укео.

— Это как это? Последовать примеру?

— Это так это! — Передразнила друга вампирша, — мы насильно утащим его домой.

— Ты съела что-то не то что ли? Очнись! Ты хоть представляешь себе эту картину маслом: «Мы втроем тащим Укео в Ханн»? Да он нас разорвет на мелкие кусочки!! Анджела, что за глупые предложения??

— Я тебя сейчас ударю!

Ван скептически хмыкнул.

— Мы должны добраться до него, постараться вызвать его на беседу и пойти куда-нибудь выпить. А там подольем ему какого-нибудь снотворного и тепленьким повезем домой. Понимаешь теперь? Какая разница, кто им управляет и как, если сам Укео будет спать?

— Точно.

— Привезем его Истарниу, и пусть он там сам со своим сыном разбирается.

— Так. Это нужно хорошо продумать. Анджела, сможешь достать снотворное?

— Думаю, в аптеке найдется. Надо заглянуть.

— Надо не заглянуть, надо скорее бежать туда, — храмовник горел жаждой действия.

Предложение вампирши воскресило в нем надежду. — Я хочу попробовать встретиться с Укео сегодня. А вдруг завтра его уже не будет в городе?

— Мда... Вполне вероятно... — Анджела вздохнула и поднялась. — Ну хорошо. Я схожу в аптеку. А что дальше?

— Дальше. Дальше-дальше. — Ван нервно барабанил пальцами по перевязи меча на груди. — Мы должны появиться в доме баронессы Ливарской так, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что мы — дворяне, очень знатные товарищи и вообще лучше к нам не подходить.

— Ну знаешь, все нормальные дворяне ездят в гости в каретах.

— АНДЖЕЛА!

— Чего орёшь??? — вампирша вскинулась.

— Точно! Карета. Ну конечно. Мы найдем карету, — храмовника словно ветром сдуло с кровати. Он взволнованно забегал по комнате, и юбка его ярким оранжевым пятном мелькала перед глазами Анджелы. Наконец вампирша не выдержала этого метания и быстренько подвела итог:

— Ну, тогда всё. Планировать точнее, я думаю, нет смысла. Мало ли как пойдет дело... Всё. Я в аптеку.

Вампирша независимо и гордо протопала мимо столов, тавернщика и вышибалы на улицу. Она направлялась в центральную часть города. Гуляя там два дня назад, она еще тогда заметила небольшую аптеку. Но размер, видимо, был не самым важным для хозяина, потому что достаток у него был явно большой. Потому что и витрина во всю переднюю стену, и дверь — все здесь было из толстого, очень дорогого стекла. Через некоторое время Анджела добралась до аптеки и вошла внутрь.

Тонко звякнул колокольчик над дверью, и буквально через пару секунд, будто в ответ тихонько скрипнула дверь во внутренние помещения. В зал вышел молодой гном. Длинный, загнутый крючком нос его радостно зашевелился при виде посетителя. Гном радушно улыбался, показывая крепкие ровные зубы. Одет он был очень чисто и руки складывал на груди — видно, подражал кому-то старшему.

— Чем могу помочь вам, леди? — любезно осведомился он.

Анджела уже давно поняла, что такие молодые гномы никогда не бывают хозяевами. И потому она спросила:

— Могу ли я видеть хозяина?

— Э... Он сейчас очень занят...

— Этот вопрос очень важен лично для меня, — очень тихо и очень внушительно проговорила вампирша и сунула в руку гному золотую монету.

— Я немедленно узнаю, сможет ли он принять вас, леди, — и гном мгновенно исчез.

Анджела задумалась. А ведь совет того вампира в оружейной лавке не так уж плох. Вот теперь я стою здесь и могу совершенно не бояться, что на меня кинутся из-за двери с вилами за то, что я вампир. Хе-хе... Никто даже не заподозрит этого, если я буду вести себя правильно.

Через пару минут молодой гном вернулся назад, сияющий, словно майское солнце.

— Хозяин просит вас пройти.

Подмастерье провел вампиршу через несколько светлых, чисто прибранных комнат в лабораторию. Все вокруг здесь было заставлено столами с кипящими и бурлящими колбами, ретортами и жуткими многосоставными стеклянными агрегатами. Половина варящихся снадобий парили и дымились. Остальные просто плохо пахли. Вампирша сморщила нос. Ее чувствительное обоняние не могло спокойно вынести всех этих жесточайших миазмов.

Сам аптекарь обнаружился в дальнем углу лаборатории. Он что-то перетирал в белой керамической миске. Но когда увидел Анджелу, оторвался от своей работы и кивнул ей.

— Приветствую вас, леди, чем могу помочь в вашем очень личном деле?

— Здравствуйте. Э... Видите ли, дело в том, что меня по ночам мучает страшная бессонница.

— Продолжайте, пожалуйста, — кивнул гном, внимательно глядя на Анджелу.

— Я просто совершенно не могу спать. От этого я чувствую себя ужасно. Просто кошмарно. У меня всегда плохое настроение, я мучаю придирками слуг и близких людей. Я ведь могу заболеть, в конце концов.

— Бессонница? И как давно?

— Э... неделю примерно.

— Неделю? Хм... — гном прищурился, — А вид у вас, леди, довольно здоровый, если не сказать «цветущий».

— Ну-у... вы ведь понимаете, что я не могу выходить в люди с отеками под глазами и желтым лицом. Косметика творит чудеса. Но на самом деле я чувствую себя отвратительно.

— Ну, хорошо. И что вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы продали мне снотворное.

— Ах, снотворное! Ну конечно, пожалуйста. У меня есть довольно большой запас снотворного различной степени действия.

— Да, но, видите ли, мне нужно очень сильное снотворное. Очень. — Анджела сделала особое ударение на последнем слове. — Чтобы я могла заснуть сразу, как только приму его.

Гном снова хмыкнул.

— Зачем вам настолько сильное средство?

— А другие не помогают. Понимаете...

— Откройте рот, миледи.

— Что, простите?

— Откройте, пожалуйста, рот. Мне нужно осмотреть вас.

Бровь вампирши поползла вверх. «Тили-тили, — подумала Анджела, — запалили». Что делать дальше, она не представляла. Открыть рот означало сверкнуть перед аптекарем клыками в полпальца длиной. А не открыть — все равно навлечь на себя подозрение. А гном как будто даже веселился, глядя на озадаченную вампиршу. Глаза его хитро прищурились, а уголки губ чуть насмешливо изогнулись.

«Да он знает, что я вампир! — вдруг осенило Анджелу, — знает и посмеивается надо мной. Вот я дура!! Он же врач. И наверняка давным-давно опознал меня».

Действительно, узнать вампира для опытного врача было делом вполне возможным. Вампиры обладали едва заметной особенностью в строении челюстей, обусловленной очень длинными клыками. И потому опытные медики, привыкшие отмечать в строении организма малейшие признаки отклонения от нормы, довольно легко отличали вампира от человека.

Анджела покосилась на улыбающегося аптекаря и обреченно вздохнула:

— Я думаю, не стоит этого делать. Я не больна.

— В самом деле? — гном сложил на груди маленькие руки с тонкими пальцами.

— Да, это снотворное не для меня. Но это ничего не меняет. Оно мне очень нужно.

— Хм... Леди, вы просите меня продать вам снадобье, которое в силах свалить с ног лошадь. Надеюсь, вы понимаете, что я не могу позволить, чтобы оно использовалось во вред?

— Вот в этом я могу вам поклясться! — воскликнула вампирша, — Ваше снотворное будет использовано в самых лучших целях.

— Для кого оно?

— Не знаю, знакомо ли вам имя светлейшего Укео.

Аптекарь вздрогнул. Улыбка его мгновенно сошла с лица.

— Светлейший Истарниу, отец Укео — друг моей молодости, — глухо и немного угрожающе проговорил гном. — Так вот если вы...

— Так вот светлейший Истарниу, — перебила аптекаря Анджела, — и послал меня и двух моих друзей сюда. Для того чтобы мы вернули светлейшего Укео домой, в Ханн. Мальчик убежал из дома. И вернуть его будет благим делом, вы должны это понимать. Более того, это приказ светлейшего Истарниу. И если он друг вашей молодости, вы просто обязаны

помочь мне сейчас.

Гном снова хмыкнул, поразмыслил немного и кивнул.

— Я дам вам снотворное. Но ведь вы не будете против, если я отошлю в Ханн письмо на имя светлейшего Истарниу и уточню некоторые детали?

— Я буду только рада, — мило оскалилась Анджела, — Моя благодарность будет безграничной, если вы заодно передадите, что мы обнаружили светлейшего Укео здесь, в Аларате. И в самое ближайшее время постараемся уговорить его вернуться.

— С помощью снотворного? — гном скептически взглянул на Анджелу.

— Ну... это самый крайний случай. Подстраховка, — бодро соврала вампирша. И не покраснела.

— Хорошо. У меня есть порция подобного снотворного. Если развести пузырек на ведро, можно действительно усыпить лошадь. Человеку для мгновенного эффекта достаточно будет одной капли на стакан.

— Прекрасно!

— Снотворное не имеет ни вкуса, ни запаха. Поэтому будет совершенно незаметным. После одной дозы человек проспит здоровым сном около суток.

— Отлично. Давайте.

Гном кивнул и вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся и вручил вампирше небольшой толстостенный стеклянный пузырек с прозрачной жидкостью внутри.

— Вот. Держите.

Аптекарь протянул Анджеле маленький, свернутый вдвое листок.

— Это инструкции.

— Благодарю вас, уважаемый. И... не забудьте отослать письмо.

Гном кивнул, а вампирша, положив на стол пять золотых монет, вышла из аптеки.

Вернувшись в таверну, Анджела показала Вану добытое снотворное. Затем вампирша, изгнав храмовника из комнаты, приняла ванну с розовым маслом, освежила духами и надела свое черно-багровое платье, тщательно причесала длинные волосы и, взглянув в зеркало, осталась очень довольна. Если бы она не улыбалась и все время молчала (исключая тем самым возможность ляпнуть какую-нибудь глупость), то Анджела могла бы стать одной из самых привлекательных женщин Ханна и окрестностей. Но, к сожалению, это была очень болтливая и очень улыбчивая вампирша. Поэтому в глазах окружающих красота ее каждый раз шла прахом.

Итак, завершив свой туалет, Анджела спустилась вниз и, подцепив под локоть Вана, притулившись сбоку за стойкой, выплыла на улицу.

Было уже далеко за полдень. Дневная жара начала спадать, чему горожане были несказанно рады. Мальчишки, словно бешенные коты, носились по улицам с диким мявом и визгом, стараясь хлестнуть друг дружку прутиком под коленку. То и дело проезжали телеги, груженные здоровенными мешками; и сонные возницы лениво подгоняли таких же сонных быков.

Друзья решили, что идти к Укео нужно под самым невинным и самым естественным предлогом. А самым естественным было то, что Ван, Горн и Анджела приехали в Аларат на Великий Турнир. Ван принимает участие в сражении, а друзья болеют за него. А на Турнире они «совершенно случайно» заметили светлейшего Укео. Увидев старого друга, ну просто не могли не узнать, где он живет, и не прийти к нему в гости. А раз уж они так давно не виделись, то просто необходимо было как следует поговорить и как следует выпить.

Сложно было выдумать более невинный и более подходящий предлог для визита.

Но Анджела решила, что идти с пустыми руками будет очень невежливо. А так как они наверняка знают, кто получит первое место на Турнире, то придут еще и затем, чтобы заранее поздравить светлейшего с победой. Друзья решили принести Укео в подарок лучшую рисовую водку. Четвертый наверняка знал, что Укео очень ее любит.

В то время как Анджела прихорашивалась, Ван успел как следует расспросить хозяина «Хвоста Дракона». И таверщик сказал, что лучшая рисовая водка в городе продается в ресторане «Господин», который находится в центральном районе. Называя этот ресторан, таверщик качал головой, ругая тамошние грабительские цены.

— На те деньги, что они просят за один ужин, в Хвосте Дракона можно завтракать, обедать и ужинать целую неделю!!

— Именно поэтому мы и остановились у вас, почтенный, — поспешил успокоить хозяина храмовник.

В «Господине» Анджелу и Вана встретили едва ли не по-королевски. Пока вампиршу довели до столика и усадили, ей трижды поцеловали обе ручки и наговорили с десяток комплиментов. Ван был спокоен, как слон. Как и полагалось богатому влиятельному человеку. Друзья заказали вино и легкую закуску.

Все вокруг сияло и благоухало. Магические бездымные светильники ярко освещали большой зал. Легкие столики, резные стулья, ковры и корзины с цветами. Небольшой оркестр тихонько мурлыкал что-то спокойное и умиротворяющее. Сервис на высшем уровне, чуткие официанты, угадывающие малейшее желание клиента. Серебряная посуда и соль за счет заведения.

Вампирша и храмовник лишь слегка притронулись к вину. Оно было так же, как и все здесь, высшего качества, но другие мысли сейчас занимали головы спутников. Через несколько минут Ван подозвал официанта и пожелал купить лучшей рисовой водки для своего друга светлейшего Укео из Ханна.

О светлейшем Укео уже трезвонил весь город. Поэтому официант вытянулся в струнку и мгновенно исчез. Не успел мастер Ван и глазом моргнуть, как перед ним, как лист перед травой, встал сам хозяин ресторана. Он поприветствовал столь почтенных гостей, рассыпался в комплиментах даме и предложил оформить упаковку для подарка. Ван, соизволяя, величественно кивнул. Анджела едва не фыркнула в кулак, глядя на важную морду храмовника.

Хозяин ресторана развлекал посетителей еще несколько минут, после чего к столику вынесли очаровательную корзинку, украшенную синими ирисами. А в ней, в голубом бархатном мешочке с сапфирами, лежала фигурная, чудной тонкой работы бутылка с рисовой водкой.

— Какая прелесть! — воскликнула Анджела. — Нам это нравится.

— Да, — кивнул Ван, — светлейшему Укео, думаю, будет приятно получить подарок символического синего цвета.

Хозяин ресторана расплылся в лучезарной улыбке. Главное для него было, чтобы клиенты остались довольны. И они действительно остались довольны. Друзья, не моргнув глазом, заплатили за водку двести золотых. Если бы им сказали, что ее цена — пятьсот, они заплатили бы и пятьсот. Слишком не важными казались сейчас деньги, когда на кону стояло спасение Укео. Они сегодня были богатыми и знатными, и поэтому даже не задумывались о том, что платят сейчас за бутылку водки целое состояние.

Ко всему прочему Анджела сморщила носик и сказала, что устала ходить по магазинам и не желает идти целых три квартала пешком. Ван галантно подал графине ручку и спросил у хозяина, нельзя ли нанять здесь карету, чтобы дама с удобствами могла добраться до назначенного места. Хозяин предложил на выбор несколько вариантов, и друзья, не сговариваясь, выбрали шикарнейшую золотую карету, запряженную шестеркой черных рысаков. Ван заплатил за карету здесь же и, открыв перед вампиршей дверцу, помог ей забраться внутрь. Едва сам он закрыл за собой дверцу, как карета сорвалась с места.

Люди разбежались с дороги, а потом еще долго стояли, глядя в след золотому экипажу, раскрыв рот и обдумывая, не привиделось ли это им. Карета летела, словно ветер, но Вана с

Анджелой внутри ни разу не тряхнуло. У друзей было такое чувство, что они едут не по каменной мостовой, а по гладкому стеклу.

И вот буквально через несколько минут роскошная карета золотым метеором домчалась до особняка баронессы Ливарской и, разметав клумбу с цветами, остановилась у дверей. Недалеко стояла небольшая скромная каретка, в которой ездил сама баронесса. И по сравнению с тем экипажем, который только что прибыл, собственность Беатрис Ливарской казалась убогой серой коробочкой с двумя запряженными в нее ледащими клячами, которых давно пора было даром отдать коновалу.

В общем, подъехали друзья более чем шикарно.

Два лакея, стоявшие на запятках кареты, тут же соскочили на землю и раскрыли дверцы кареты. Анджела выбралась наружу, презрительно осмотрелась по сторонам и, гордо вскинув голову, позволила Вану взять себя под руку. Храмвник и вампирша безупречно изображали сейчас утомленных жизнью богачей. Многие из знакомых Вана всё отдали бы за то, чтобы взглянуть в этот миг на полную спеси и самодовольства физиономию храмвника. Мастер Ван был прекрасным актером, когда очень сильно этого хотел.

Все это феерическое представление подействовало безотказно. Едва только Четвертый и вампирша вступили на первые ступени лестницы, ведущей в дом, из дверей навстречу гостям уже летел старший дворецкий, сияющий улыбкой, пуговицами и лысиной.

«Счастливы приветствовать...», «Хорошо ли добрались...», «Мадам счастлива будет принять вас...», «Как изволите доложить?» и прочее и прочее. Анджела молчала, словно не замечая дворецкого. Ван лениво отвечал. В конце концов, он сказал:

— Доложите баронессе, что прибыли Ее Светлость, графиня Анджела Малькольм Кондор и мастер Ван, воин Храма Тысячи Бликов.

— Сию секунду, мастер, — дворецкий поклонился и чуть ли не козликом поскакал по лестнице на второй этаж.

— Надо же, — хмыкнул Ван, когда они с Анджелой остались одни, — я и не предполагал, что все будет так легко.

— Я же говорила: ни одна баронесса не откажет графине в приеме, — ответила вампирша, поправляя складки платья, — Но ты не расслабляйся. Баронесса баронессой, но она нам, признайся, нужна как рыбе зонтик. А вот как поведет себя Укео, вот вопрос.

— Да. Но в любом случае, отступать уже поздно. Мы же не можем сейчас взять и сбежать?

— Ну почему же? Очень даже можем...

— Анджела, перестань!

В этот момент наверху раздался шорох платья, и, подняв головы, друзья увидели поспешно спускающуюся с лестницы молодую женщину. Она была довольно милой, но ее портила чрезмерная худоба и бледный, какой-то желтоватый цвет кожи. Баронесса выглядела так, будто с рождения страдала малокровием и мигренью. «Вымирающее дворянство», — немного презрительно подумала Анджела, вспоминая собственную живость и очень здоровый (несмотря на природную бледность) внешний вид.

— Счастлива приветствовать вас в моем доме, — пропела баронесса, подплывая к гостям и улыбаясь столь фальшиво, что за этой улыбкой большими печатными буквами читалось: «Ну и чего вы сюда приперлись?»

— Я тоже счастлива познакомиться с вами, милая баронесса, — вежливо ответила Анджела (во избежании скандала улыбался за вампиршу Ван).

— Как добрались? Надеюсь, дорога не слишком утомила вас? — Беатрис, почти забыв об улыбке, во все глаза рассматривала платье графини. Анджела поняла, что сделала верный ход, потратив столько времени на одевание. Такого платья баронесса себе позволить не смогла бы никогда в жизни.

— Нет-нет, ну что вы, ничуть, — ответила вампирша, — и, если быть откровенной, мы с мастером Ваном приехали к нашему другу.

— ???

— К светлейшему Укео.

— Э... — Беатрис замялась, — я не знаю, захочет ли он...

— Баронесса! — Анджела очень мягко, но очень настойчиво сделала шаг вперед. — Я думаю, если вы немедленно прикажете доложить светлейшему о нашем приезде, он будет просто счастлив.

— Я скажу сама, — Беатрис злобно сверкнула глазами и, развернувшись на каблуках, взлетела по лестнице на второй этаж.

— Вот и настал момент истины... — тихо сказал Ван, — если сейчас Укео скажет «кто такой мастер Ван?», то придется убираться отсюда.

Но ответить храмовнику Анджела не успела. Наверху раздался топот ног и на верхней ступеньке лестницы появился светлейший Укео, собственной персоной. Раскрасневшееся от волнения лицо его выражало радостное нетерпение:

— Ван! Дружище!!! — заорал седьмой и в одну секунду сбежал с лестницы.

Через несколько минут, когда храмовники наобнимались и отхлопали друг другу все плечи и спины, когда Укео радостно приветствовал Анджелу, рядом с Седьмым появилась достопочтенная Фиона. Ван схватился было за меч, чтобы приветствовать старшую по рангу, но Укео запретил, сказав, что Фиона для Вана такой же друг, как и он сам, и потому в неофициальной обстановке «никаких ритуалов».

— Укео, я видел ваше с Фионой выступление на Турнире, — воскликнул Ван. — Оно было великолепным!

— Да я тоже видел твое. Молодец, — похвалил в ответ Седьмой. — Я даже не предполагал, что встречу тебя здесь.

— А мы-то как удивились, когда комментатор назвал твое имя! — вставила Анджела. — Я едва из ложи не вывалилась. Поэтому мы решили отыскать тебя.

— Да, — кивнул Ван, — и еще мы тебе кое-что принесли. — Четвертый чуть приподнял в руке корзинку.

— Что это? — глаза Укео радостно распахнулись. Он обожал сюрпризы.

— Раскрой, и узнаешь.

Укео хитро взглянул на Четвертого и вынул из корзинки бархатный мешочек, украшенный сапфирами.

— Ой, какое все синенькое! Ван! Тут что-то плещется внутри.

— Да неужели?

— Точно тебе говорю! — Укео раскрыл мешочек и наполовину вытащил фигурную бутылку.

— Ван, только не говори мне, что это именно то, о чем я думаю.

— Это именно то, о чем ты думаешь.

— Рисовая водка?!

— Она.

— Здорово! Ван, Анджела, спасибо вам огромное. А что мы тут стоим? Давайте поднимемся наверх!

— А... — Ван вдруг хлопнул в ладоши, — зачем наверх? Укео, мы же приехали в Аларат не одни. С нами еще Гор.

— О!! Гномская морда! Где же он?

— Он в таверне. Мы остановились в «Хвосте Дракона». Очень приличная таверна, Укео. Кормят прекрасно, обслуживание на высоте. — Ван распинался, как рекламный агент. — У меня прекрасная идея. Может быть, мы возьмем твою корзинку и отправимся прямо в «Хвост Дракона»? Там и отметим. Укео! КАК СЛЕДУЕТ отметим. Ты меня понимаешь? — Ван значительно подмигнул другу.

— Ну как не понять? — воодушевился Седьмой. — Прямо сейчас и пойдём.

— Отлично, — Ван и Анджела переглянулись. Они даже надеяться не смели на такую удачу.

В это время Укео обернулся в сторону лестницы. Там, наверху стояла баронесса Ливарская.

— Дорогая, я пойду, немного посижу с друзьями в таверне? — Это было сказано вроде бы вопросительным тоном, но все присутствующие прекрасно понимали, что Укео просто извещал любовницу о том, что уходит. Если бы она сказала «нет», он ответил бы «ну и ладно» и все равно ушел бы. Но только ушел бы насовсем. Поэтому Беатрис натужно улыбнулась, и сказала:

— Конечно, милый. Иди, — глаза баронессы метали молнии. Она, словно разъяренная кобра, смотрела то на Анджелу, то на Фиону. Была бы ее воля, наверняка придушила бы на месте обеих красоток.

«Ревнует... — подумала вампирша, — ну ничего, пусть подергается малахольная». Иногда Анджела бывала очень жестокой.

Через минуту все четверо гурьбой вывалились на улицу. Укео в обнимку с Ваном громко обсуждали Турнир, критикуя с точки зрения Храма каждого бойца, который выходил на Арену: один криво ставил ноги, второй отключивал зад, словно утка, третий вжимал голову в плечи — фу-фу-фу! Храм лучше всех! Храм победит!

Когда компания добралась до таверны, солнце уже начало садиться за горизонт. Войдя внутрь, Анджела сразу же заметила Гора, который сидел за столиком и прихлебывал пиво из огромной кружки. Народу в зале было, как ни странно, довольно мало. Светлейший оглядел таверну и бросил выбежавшему навстречу хозяину небольшой рубин. Камень сверкнул кровавой каплей и исчез в широкой ладони тавернщика.

— Чего изволите, почтенные воины? — по глазам хозяина «Хвоста Дракона» было ясно, что он готов грызть землю зубами, лишь бы угодить этим гостям.

— Почтенные воины изволят праздновать! — Укео сделал широкий жест рукой, будто охватывая весь зал. — Пусть все будет в лучшем виде. И... еще одно. Воины желают праздновать без посторонних.

— Все будет готово через мгновение, светлейший.

И действительно, как по волшебству откуда-то выскочили двое здоровенных вышибал и вежливо, мягко поддерживая под локти, вывели из таверны всех лишних гостей. Двери закрылись, и Ван готов был поспорить, что внутрь больше сегодня не войдет ни один человек. А в это время началось небывалое перевоплощение таверны «Хвост Дракона» в настоящий ресторан. Девочки-официантки порхали по залу, покрывая столы белоснежными скатертями, расставляя подсвечники и серебряные приборы.

Пока зал преображался, Укео поздоровался с Гором, крепко пожав гному руку и осведомившись о его учебе. После взаимного обмена любезностями, Седьмой предложил сдвинуть два стола, чтобы было удобнее, и пригласил всех присесть.

— Минуточку, — мило улыбнулась вампирша, — я должна переодеться. Раз в сто лет приходится отдыхать в такой чудесной компании. Я не хочу выглядеть крестьянкой.

Мужчины фыркнули, а Фиона покосилась вслед уходящей вампирше. Платье, что было сейчас на Анджеле, стоило около пяти сотен золотых. Вполне себе крестьянское платьице...

Переодевание Анджелы списали на ее всегдашнюю взбалмошность. Но только Ван знал, что на этот раз вампирше было не до капризов. Проходя мимо стойки, она шепнула хозяину, чтобы он незаметно принес в ее комнату самого лучшего вина, которое он только сможет найти, и поднос с пятью кубками. Затем Анджела ухватила за локоть одну из официанток и потащила ее за собой наверх. Там с помощью девушки, вампирша быстро переделалась. Из дома она взяла с собой два шикарных платья. Одно черно-красное, которое Анджела только что сняла, а другое — голубое с серебром — очередной псих скандальной девчонки. Ее отец, увидев это платье, только развел руками — Анджела выглядела в этом невинном голубеньком парчово-шелковом облачке, словно матерый волк в овечьей шубке. Когда официантка уже зашнуровывала платье, в комнату вошел тавернщик. Он принес все необходимое. Большую совершенно черную бутылку с засмоленным горлышком, широкий серебряный поднос и такие же кубки на толстых витых ножках.

Когда платье было готово, Анджела выпроводила всех из комнаты, разлила по кубкам вино и достала пузырек со снотворным. Она не знала, какой кубок возьмет Укео, поэтому для надежности плеснула снотворного во все, кроме своего. Плеснула хорошо, от души, чтобы уж если проняло, то надолго. Укео должен был упасть под стол после первого же глотка.

Вампирша подняла поднос, и оглянулась. В зеркале на противоположно стене отразилось юное нежное создание в платье, навевавшем мысли о живых куклах. Столько невинности было в этом серебристом банте на талии, в этих голубых воздушных складках и кружевах, в почти детских рукавах фонариком. Только вот хищные желтые глаза никуда было не деть. И потому Андже́ла предпочла опустить взгляд.

Она спускалась с лестницы, улыбаясь самой милой и самой радушной улыбкой. Андже́ла опускала глазки, боясь разрушить образ невинности, нарисовавшийся сейчас перед обалдевшей компанией. Поставив поднос на стол, вампирша цапнула свой кубок и воскликнула:

— Я хочу, чтобы все мы сейчас выпили за одного человека. Его успех не дает покоя завистникам, его обаяние не дает покоя женщинам, — Андже́ла чуть скосила взгляд на Фиону, — его мастерство не дает покоя обидчикам. Его друзья гордятся им, Храм любит его, а Богиня не спускает с него своего ласкового взора. Я хочу, чтобы все мы сейчас выпили за светлейшего Укео!

— За светлейшего Укео!

— За светлейшего Укео!! — хором подхватили остальные и подняли кубки.

Андже́ла из-за края своего кубка внимательно наблюдала за компанией. Гор пригубил вино, чмокнул губами, улыбнулся и отпил еще глоток. Вино было действительно хорошим. Все прочие тоже пили с удовольствием, но мгновенного эффекта снотворного Андже́ла не заметила. Никто не спешил рушиться под стол, оставляя ей, Андже́ле, заботу о доставке своих невменяемых тел в Ханн. Ну ничего, аптекарь не мог обмануть. Он знал, для чего снотворное было нужно. Значит, должно подействовать. «Подождем...» — решила вампирша.

И вдруг за дверью раздались тяжелые шаги. Слышно было, как кто-то буркнул что-то низким басом. А через секунду до слуха Андже́лы донесся глухой удар и тихий вскрик одного из вышибал, после чего дверь отворилась и в таверну, согнувшись под низкой притолокой едва ли не вдвое, шагнул давешний Демонолог. Лицо Андже́лы мгновенно стало каким-то серым. Она словно приросла к своему стулу. На лице ее жили только глаза, ставшие громадными от страха. Сейчас в одно мгновение она поняла, что натворила. Если вся эта компания, которой она подлила снотворного, заснет мертвым сном, вампирша останется с этим Демонологом один на один, да еще с телами друзей на руках. Печальный исход этой затеи был очевиден. Может быть, трое храмовников и справились бы с этим черным страшилищем, но теперь, после усыпляющего тоста «За светлейшего Укео!», вряд ли кто-нибудь останется жив. А в том, что Демонолог пришел убивать, вампирша не сомневалась.

Черный великан тем временем прошествовал в самый темный угол таверны и угнездился там прямо на столе. На самом деле именно стол годился для него в качестве табуретки. Демонолог был воистину громадного роста.

Андже́ла тряслась от ужаса. Ван побледнел. Гор уткнулся носом в кушанья, которые принесли проворные девочки-официантки. А Укео и Фиона, сидевшие спиной к двери, не обращали ни на что внимания. Им было весело.

Вампирша в страхе ждала, когда же ее сотрапезники начнут сыпаться под стол, но действие снотворного что-то задерживалось. «Что за дрянь? Неужели обманул аптекарь? Хоть бы обманул, хоть бы обманул!! — мысленно Андже́ла умоляла всех богов, которых смогла вспомнить, — Пусть не подействует!». Она нервно теребила поясной кошелечек и

вдруг нащупала внутри пальцами свернутый листочек бумаги. Машинально развернула и поднесла к глазам.

«Инструкция по применению снотворного»

Анджела пробежала глазами строчки. Мотнула головой — ничего не поняла. Прочла еще раз. И чуть не подпрыгнула от радости. Одна из строчек гласила: «В течение трех часов до и после приема снотворного не употреблять алкогольные напитки во избежание полной потери эффекта». «Не заснут! Слава Богине, не заснут!», — Анджела готова была прыгать от счастья. Ван покосился на подругу. «Ну всё. С ума сошла от страха, точно», — с горечью подумал Четвертый.

Демонолог, нахохлившийся на своем столе, довольно долго неотрывно смотрел на веселящуюся компанию. И вот он поднялся. Ван, видя надвигающуюся опасность, заметался глазами по таверне. Нужно было срочно что-то предпринять. Ему еще до конца не ясно было, на чьей стороне Укео. Четвертому показалось, что он начинает понимать, КТО управляет Седьмым. «Черная ряса, черный зажим. Демонолог, демоны. Управление демонами», — мысли крутились в голове храмовника с бешеной скоростью. Он хотел было уже решиться на отчаянный поступок: вскочить и сорвать с волос Укео этот страшный зажим. Его не останавливала даже абсолютная уверенность в том, что Укео и Фиона порубят его на кусочки еще до того, как он успеет коснуться волос светлейшего, — реакция у этих двоих была много лучше, чем у Вана. Главное было — попытаться сделать хоть что-то.

Но вдруг Укео взглянул на Вана и сказал:

— Ван, ты чего бледный, как смерть?

Четвертый сидел, словно тугая пружина, напряженный до предела, одним глазом следя за Укео, другим за хромающим, медленно приближающимся Демонологом. Лицо его действительно было бледным, словно полотно, а глаза лихорадочно блестели.

— Душно здесь что-то, — сказала Фиона.

— Действительно, ребята, чего мы сидим в духоте? — воскликнул Укео. — Такая ночь чудесная, там звезды наверное!

Седьмой вскочил с места.

— У меня предложение: пойдете за город! Хочу поближе к природе, на травку! Вздохнуть хотя бы свежим воздухом. Замучила уже эта городская вонь.

Фиона поднялась вслед за Седьмым. А Укео вдруг хитро взглянул на Вана и хлопнул Четвертого по плечу:

— Давай кто вперед до деревьев! — крикнув это, светлейший сорвался с места и выскочил из таверны в ночь.

Ван, испугавшись, что Укео может сейчас исчезнуть и потом больше никогда не найтись, подхватил серебряный поднос с рюмочками-наперсточками, наполненными для тоста рисовой водкой и саму бутылку, и рванулся следом за другом. Фиона взяла корзинку с фруктами и небольшой горшочек с мясом и также исчезла в ночи. Анджела с Гором переглянулись, потом уставились на замершего посреди таверны Демонолога, и с визгом выскочили на улицу. Они не бежали ни с кем наперегонки, они просто спасали свои шкуры от жуткого Демонолога. До сих пор услужливая память подсовывала им картину кровавой ритуальной расправы над юношей и девушкой на дороге в Аларат. Гном с вампиршей удирали со всех ног, боясь стать следующими жертвами этого чудовища.

Через несколько минут оглянувшись назад, Анджела не заметила преследования, и потому к первым деревьям за городом подходила, уже немного успокоившись. Оказалось,

что Ван настолько боялся потерять Укео из виду, что, несмотря на известную всему Хану ловкость и прыткость светлейшего, не только не отстал от Седьмого, но и обогнал его. И только добежав до рощицы первым и увидев остановившегося вслед за ним запыхавшегося, улыбающегося во весь рот Укео, Ван понял, что всё это время он еще держал в руках поднос с полными до краев рюмками и бутылку рисовой водки. Приглядевшись, Ван поразился — ни из одной рюмки не пролилось ни капли.

— Ловок, друг! — похвалил Укео, подцепляя одну рюмку. — Пожалуй, не знаю даже, смог бы я сам так пробежать или нет. Обогнал меня, да еще и с полными наперстками водки. Молодец!

Фиона тоже одобрительно улыбнулась Вану, и Четвертый расцвел. Он сам не ожидал от себя такой ловкости.

Анджела подошла к примостившейся прямо на земле компании храмовников и возмутилась:

— Ну вы даете! Ломанулись в темень кромешную, оставили бедную женщину на произвол судьбы. А я должна в платье прыгать по кустам.

Сзади, с трудом переводя дух, появился Гор.

— Ну и быстрые вы, ребята, сил нет, ей-богу. Уморили.

— Ладно, — воскликнул Укео, — раз уж все собрались, давайте что ли тост!

— За твою победу в Турнире, Укео! — провозгласил Ван.

— О-о-о!!! — раздался общий одобрительный возглас, — За победу Укео!

— Спасибо, друзья. Я хотел бы...

Но никто так и не узнал, чего хотел светлейший Укео, потому что со стороны города вдруг раздался тяжелый перестук копыт. Все вскинули головы.

— О, только не это... — захныкала Анджела, — Я больше не могу. Этот Черный Паладин за нами везде гоняется! Давайте скорее убежим!

Но убежать компания уже никуда не успела. Потому что Черный Паладин (а это действительно оказался он) был уже здесь. Он придержал коня и молча уставился на вскочивших на ноги товарищей. Но это было еще не всё. Вампирша прекрасно видела в темноте и потому первая заметила, как из-за плеча Черного Паладина выступила громадная фигура Демонолога.

— Ну вот и приплыли. Сушите весла, — обреченно сказал Ван.

— Кто это? Ты их знаешь? — голос Укео был немного звонче и резче обыкновенного. Но больше он никак не выдал своих чувств. Он, казалось, даже не испугался. Может быть, только чуть удивился.

— Я не знаю, КТО они, но знаю, что они прекрасно умеют убивать, — глухо отозвался Четвертый. — Вон тот Черный, на лошади, на моих глазах разнес в щепки полусотенный отряд и ни разу не поцарапался.

Укео набычился. Ему редко попадались такие противники. Точнее — никогда. Светлейший явно решил драться. Ван не знал, куда деваться самому и что делать с упрямым Седьмым. Не потащишь же его силой. Да и куда тащить? От этой черной парочки нигде не спрячешься. Знать бы еще, что им нужно...

— Эй! Вам чего от нас надо? — крикнула Анджела. Она всегда озвучивала то, о чем другие только думали про себя. — Что мы вам сделали? А?

Но старания парламентаря не увенчались успехом. Вампирше не ответили. Но зато Черный Паладин внезапно соскочил с коня, достал свой жуткий меч и направился к

сгрудившейся в кучку компании. Сомнений не оставалось — он собирался убивать.

Ван, Укео и Фиона схватились за рукояти мечей. Сталь мечей Храма тускло сверкнула, обнажаемая второй раз за день. Но теперь уже не на потеху зрителям, а для того, чтобы защищать своих хозяев. Анджела ни на что не надеялась, но все равно достала свою эльфийскую дубинку. Умирать, так с музыкой.

Храмовники сделали шаг вперед, занося для удара мечи. Широкие юбки скрывали движения ног, клинки дрожали от напряжения, глаза искали слабое место в бронированной туше рыцаря.

Но в тот самый миг, когда три лезвия, словно три жала уже смотрели прямо в лицо Черному Паладину, Демонолог за его спиной воздел руки и прорычал что-то страшное. И в один миг вся команда замерла на месте, будто парализованная. Анджела не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Ван стеклянными от ужаса глазами глядел на приближающегося Черного Паладина. Фиона пискнула что-то нечленораздельное, а Гор затейливо заматерился сквозь зубы.

И только один светлейший Укео избежал этой участи. Он мельком оглянулся на друзей, замерших в самых угрожающих позах, смачно плюнул в куст и бросился на Черного Паладина.

«Ничего не понимаю! — думал Ван. Он еще мог думать каким-то крошечным краешком мозга, который не был парализован страхом за свою жизнь, за жизнь друзей и жизнь светлейшего, — Демонолог. Управляет нами. Но не управляет Укео...».

Звякнул о тяжелую броню рыцаря клинок храмовника, Паладин махнул мечом и промахнулся. Снова тусклое «звяк» и снова промах Паладина. Слишком быстрым, слишком вертким оказался светлейший Укео. Каждый раз он легко уклонялся от удара.

«...Демонолог управляет нами всеми, — мысль Вана словно билась о стену и бессильно сползала вниз, — Еще немного и все мы по приказу демонолога нападём на Укео. Он не управляет светлейшим. Не может. Что-то мешает ему. Поэтому с Укео сражается Черный Паладин.

Что у него есть такого, чего нет у нас? Меч? Одежда? Ботинки? Амулет? Кольцо? Зажим? ЗАЖИМ!

О, Богиня, смилуйся над нами, какие же мы идиоты! Мы самые настоящие кретины. — Ван даже прослезился от избытка чувств и внезапной догадки, — Зажим принадлежал матери Укео. Он охраняет Укео от демонов! Охраняет, а не подчиняет его кому-то. Какие мы балбесы. В зажиме наше спасение. В зажиме и в мастерстве Седьмого Ранга».

И в этот самый миг светлейший Укео, со всех сторон прощупавший оборону Черного Паладина и не нашедший ни единой щели, тоже решил, что спасение только в мастерстве Седьмого Ранга.

Особое Мастерство, когда воин настолько велик духовно, что в битве становится с мечом одним целым. Он будто бы освобождает на миг душу меча и, сливаясь с ней своей душой, разит противника. Силу такого удара и предел его измерить еще не удалось никому, потому что ни одно существо до сих пор не смогло уцелеть после такого удара.

И сейчас светлейший Укео, обеими руками воздел меч к ночному небу, словно стремясь вонзить клинок между звезд. И он засветился, от рукояти до кончика лезвия. И Укео стал похож в этот миг на бога войны Бэла, с занесенным над головой горящим мечом.

И вдруг Укео рванул на себя клинок, пригнувшись, припав к земле, он сам начал светиться. Сначала слабо, будто перенимая сияние у меча, а потом все сильнее и ярче. В

конце концов, стало уже невозможно различить, где меч, а где его хозяин. У самой земли напряжился полыхающий сгусток огня.

Все это произошло в считанные секунды, и лишь для Вана и Фионы каждое действие имело собственный смысл и собственное место в ритуале высвобождения души.

Черный Паладин успел лишь шагнуть вперед и занести над головой свой страшный черный меч. И в этот момент Укео (или это был уже не совсем Укео) распахнул руки в стороны — они в один миг стали горящими крыльями. И когда черный меч был в самом зените, готовый вот-вот начать опускаться, чтобы рассечь надвое противника, с земли прямо на Паладина рванулась огромная огненная птица.

Ван никогда раньше не видел этого единственного, особого удара Седьмого Ранга. Он пораился его красоте. И даже в этот миг, скованный по рукам и ногам, подчиненный Демонологом, почти потерявший волю, веру и надежду, мастер Ван улыбался. Улыбалась и Фиона. А вот Анджела с Гором, понятия не имевшие ни о каких Ударах, только пораженно ахнули.

И было от чего ахнуть. Огненная птица ударила Черного Паладина в грудь, сшибла его с ног и взмыла в небо горящим метеором.

А когда огненный росчерк в небе исчез, путники поняли, что снова могут двигаться. Анджела судорожно огляделась по сторонам. Демонолог исчез. А Черный Паладин лежал на земле. Он весь дымился. Жутко было смотреть на то, как из узкой щели глухого шлема клубами вьется черный дым. Значит, внутри Паладин весь сгорел дотла.

Через несколько минут на место битвы вернулся светлейший Укео.

— Как я его!!! Видели? — первым делом воскликнул Седьмой.

Ван с Фионой рассмеялись. А Гор с Анджелой едва не рыдали от облегчения. Они уже и не надеялись на то, что останутся в живых.

Компания справедливо рассудила, что сегодня на них уже точно никто не нападет. И потому Укео решил вернуться в таверну и отметить еще одну победу обильными возлияниями. Идею с радостью поддержали.

Когда допили бутылку рисовой водки, а также восемь бутылок вина и бочонок пива, Ван сказал:

— Знаешь, Укео, а ведь отец очень волнуется за тебя.

Совершенно трезвая Анджела, на которую только зря переводили драгоценный продукт, злобно взглянула на храмовника: «Явно не с этого разговор нужно было начинать, пьяная рожа, — думала вампирша, — Сейчас же Укео нас мигом раскусит». Но Укео был тоже далеко не трезвым, поэтому никого он раскусывать не стал. А вместо этого, как и ожидал Ван, начал рассказывать. Видимо тема эта была для светлейшего наболевшей, поэтому говорил он с горечью и очень жалобно:

— Ван! Ну что ты понимаешь? А? Ты бы понимал, если бы твой отец был Седьмым. А моего отца зовут Истарниу. Понимаешь меня? Светлейший Истарниу. Он в Ханне царь и длань Богини. А я никто.

— Что ты такое говоришь, Укео? — Ван обнял друга за плечи.

— Да то! Если мой отец идет по улице, про него говорят: «Смотрите, вон идет светлейший Истарниу». А когда я прохожу мимо, я слышу: «Смотрите, вон идет сын светлейшего Истарниу». Я устал, Ван. Я устал быть сыном светлейшего. Я хочу быть собой. Я сам светлейший, в конце концов. Или кто-то здесь оспорит это????!!! — Укео поднялся на ноги, хватаясь за рукоять меча. Седьмого тут же схватили за руки и утолкали обратно за

стол.

— Никто не собирается оспаривать твое мастерство. Всем известно о твоём таланте, Укео. — Анджела увещевала разбушевавшегося храмовника, — Нельзя вот так сразу хвататься за меч. Зачем ты по дороге в Аларат зарезал пол деревни?

Укео тяжелым задумчивым взглядом посмотрел на вампиршу, стараясь сообразить, кого и когда он зарезал.

— Когда?

— Не знаю когда! Деревня на дороге от Ханна в Аларат — одна единственная.

— А! — Укео, видимо, вспомнил, — так я там никого не зарезал.

— Да? А нам сказали, что ты половину людей убил, а другую половину искалечил.

Седьмой расхохотался.

— Да я даже не поцарапал никого. А только штаны им посрезал. А чего они? «Не лапай наших девок». Там девки-то... Страшные, как смертный грех, а еще туда же.

— Так никого и не убил?

— Никого.

— Это хорошо. Но, может быть, вернешься все таки домой? — Ван прямо посмотрел Укео в глаза. — Мы тут чего только про тебя не передумали. А отец твой вообще с ума сходит.

— Как?

— Да так. Волнуется очень. — Анджела хитро взглянула на Укео. Ей было известно, что он очень любит своего отца.

— Он так и сказал?

— Так и сказал.

— Эй! А вы что с ним разговаривали? Погодите, так это не он ли вас послал? За мной?

— А ты думал, мы действительно на Турнир приехали?

— Ну вообще-то да... Так вы еще мне и наврали!

— Мы думали, что ты невменяемый, — буркнул Гор.

Укео засмеялся.

— Да уж. Невменяемый. Да что-то, знаете, так мне стало тошно в Ханне. Два Седьмых в одном Храме — это перебор. Я хотел стать свободным. Просто уйти и все. В Турнире вот поучаствовать, показать себя людям, чтобы они знали, что меня зовут не «сын светлейшего Истарниу», а светлейший УКЕО.

— Послушай, но ты ведь стал Седьмым совсем недавно. А твой отец намного старше тебя. — Ван ударял рукой по столу в такт каждому слову. — Ты, едва родившись, хочешь, чтобы о тебе знал весь мир. И обижаешься, когда тебя узнают по твоему отцу. Ты подожди немножко. И тебя станут называть по имени.

— Да! — вставила Анджела. — А на счет свободы ты это... погорячился. От кого ты хочешь быть свободным? От Богини? От Храма? От отца?

— Нет, нет, ты что, Анджела?

— Ну а какая разница тогда, ГДЕ служить Богине?

— Я хотел найти в каком-нибудь городе Храм и стать там начальником воинской стражи. — Укео отхлебнул из стакана. — Я сам хотел быть главным в своем собственном Храме.

— Укео, проснись! — Ван ошарашено уставился на друга. — Ты? Начальник храмовой стражи?

— А что?

— Издеваешься?! — Ван в волнении вскочил на ноги. — Да бедный Храм! И бедная его воинская стража!

— Ты лучший боец, Укео, — Ван сбавил тон, увидев, как внезапно Седьмой залился краской до корней волос, — ты лучший боец, которого я знаю, но ты же не выдержишь в Храме. Представь только! Постоянно на одном месте. Сидеть за столом, разбирать бумажки, слушать донесения, изо дня в день, изо дня в день! Укео! И где та свобода, о которой ты мечтал?

Седьмой, вытаращив глаза, смотрел на Вана. Видимо он не думал о такой перспективе своего будущего.

— Твоя молодость пройдет над бумажками, Укео! — подлила масла в огонь Анджела. — Лучшие годы уйдут, а ты сможешь вспомнить только то, как ты участвовал в Великом Турнире.

— Точно... — пораженно прошептал Укео. — Точно. Чуть не попался! Друзья, слава Богине, что вы меня нашли и спасли от этого всего. Я почему-то об этом не думал.

— Укео, ты должен благодарить своего отца. Это же он послал нас за тобой. Возвращайся домой.

— Я... наверное.

— Ты ездил сюда далеко не зря. Судьба тебя привела в этот город и на этот Турнир. — Анджела ласково посмотрела на Седьмого. — Ты ведь нашел здесь Фиону.

Шестая покраснела и вцепилась в стакан с вином.

— Но теперь пора домой возвращаться. Отец будет счастлив снова тебя увидеть, — вампирша радостно оскалилась. Здесь можно было позволить себе быть собой — все свои.

Укео долго молчал. Вертел в руках вилку, шмыгал носом, но, в конце концов, сказал:

— Наверное, вы правы. Я вернусь домой. Завтра же.

— Укео! А как же Турнир? — Ван уставился на Седьмого.

— А что мне Турнир, Ван? Я и так знаю, что победа будет моя. Пусть кто-нибудь другой получит эти деньги. Ведь я не из-за золота сражался. А мой Турнир уже закончился. Пару часов назад. И я в нем победил. Потому что на кон ставилось не золото и даже не слава. Там были ваши жизни. Ну и моя заодно.

— Да, кстати. — Анджела закатила глаза к потолку. — Спасибо что ли... За то, что спас нам жизни.

— Пожалуйста. — Укео рассмеялся.

На следующий день все пятеро сели в поезд до Ханна и через несколько дней уже были в Храме. Весть о том, что Светлейший Укео прибыл в город, разнеслась по всему Храму. Трое друзей не стали мешать семейным сценам и разошлись по домам. Очень хотелось отдохнуть, наконец, после всех этих злоключений со счастливым финалом.

А на утро их снова вызвали в Храм.

Светлейший Истарниу очень горячо поблагодарил троицу за то, что его сын снова дома и предложил друзьям всё, что они захотят, в награду за проделанную работу.

Анджела поразмыслила и сказала, что у нее все есть. А то, чего у нее пока нет, Храм все равно ей дать не может, да и вообще всему свое время. Она очень тосковала по вампирскому могуществу, которое придет к ней еще очень нескоро. И никакой Храм, никакая Богиня не в силах будут ускорить этот процесс.

Гор тоже подумал, покрутил длинным носом, сказал «ей-богу» и «право слово» и отказался от награды.

А Ван, скромно потупив голубые глазки, сказал, что недавно получил Четвертый Ранг, но не собирается останавливаться на достигнутом. Воин просил только о том, чтобы ему дали хорошего Учителя.

— Ну что ж, — с улыбкой произнес Истарниу. — Я думаю, достопочтенный Канимуру возьмется за ваше обучение, мастер Ван. Как вы думаете, достопочтенный Канимуру?

Шестой скептически взглянул на Четвертого и кивнул.

Ван нервно сглотнул. Напросился. Канимуру славился очень эффективным, но очень жестким обучением. Не миновать теперь мастеру Вану битья.

Через несколько недель друзья узнали, что в Великом Турнире победил Эльнар Шестирукий.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net